

Проспер Мериме

Двойная ошибка

*Zagala, más que las flores
Blanca, rubia y ojos verdes!
Si piensas seguir amores,
Piérdote bien, pues te pierdes¹.*

Глава 1

Жюли де Шаверни была замужем около шести лет, и вот уж пять с половиной лет, как она поняла, что ей не только невозможно любить своего мужа, но даже трудно питать к нему хотя бы некоторое уважение.

Между тем муж отнюдь не был человеком бесчестным; он не был ни грубияном, ни дураком. А все-таки его, пожалуй, можно было назвать всеми этими именами. Если бы она углубилась в свои воспоминания, она припомнила бы, что когда-то он был ей приятен, но теперь он казался ей несносным. Все в нем отталкивало ее. При взгляде на то, как он ел, пил кофе, говорил, с ней делались нервные судороги. Они виделись и разговаривали только за столом, но обедать вместе им приходилось несколько раз в неделю, и этого было достаточно, чтобы поддерживать отвра-

щение Жюли.

Шаверни был довольно представительный мужчина, слишком полный для своего возраста, сангвиник, со свежим цветом лица, по характеру своему не склонный к тому смутному беспокойству, которому часто подвержены люди, обладающие воображением. Он свято верил, что жена питает к нему спокойную дружбу (он слишком был философом, чтобы считать себя любимым, как в первый день супружества), и уверенность эта не доставляла ему ни удовольствия, ни огорчения; он легко примирился бы и с обратным положением. Он несколько лет прослужил в кавалерийском полку, но, получив крупное наследство, почувствовал, что гарнизонная жизнь ему надоела, подал в отставку и женился. Объяснить брак двух молодых людей, не имеющих ничего общего, – это довольно трудная задача. С одной стороны, дед с бабкой и некоторые услужливые люди, которые, подобно Фрозине, охотно повенчали бы Венецианскую республику с турецким султаном, изрядно хлопотали, чтобы упорядочить материальные дела. С другой стороны, Шаверни происходил из хорошей семьи, в то время еще не растолстел, был весельчаком и в полном смысле слова «добрым малым». Жюли нравилось, что он ходит к ее матери, так как он смешил ее рассказами из полковой жизни, комизм которых не всегда отличался

хорошим вкусом. Она находила, что он очень мил, так как он танцевал с нею на всех балах и всегда придумывал способ уговорить мать Жюли остаться на них подольше, съездить в театр или в Булонский лес. Наконец, Жюли считала его героем, так как он два или три раза с честью дрался на дуэли. Но окончательную победу доставило Шаверни описание кареты, которую он собирался заказать по собственному рисунку и в которой он обещал сам повезти Жюли, когда она согласится отдать ему свою руку.

Через несколько месяцев после свадьбы все прекрасные качества Шаверни в значительной степени потеряли свою ценность. Нечего и говорить, что он уже не танцевал со своей женой. Забавные истории свои он пересказал уже раза по три, по четыре. Теперь он находил, что балы ужасно затягиваются. В театрах он зевал и считал невыносимо стеснительным обычай одеваться к вечеру. Главным его недостатком была леность. Если бы он заботился о том, чтобы нравиться, ему это, может быть, и удалось бы, но всякое стеснение казалось ему наказанием – это свойство почти всех тучных людей. В обществе ему было скучно, потому что там любезный прием прямо пропорционален усилиям, затраченным на то, чтобы понравиться. Шумный кутеж предпочитал он всяким более изысканным развлечениям, ибо для того, что-

бы выделиться в среде людей, которые были ему по вкусу, ему было достаточно перекричать других, а это не представляло для него трудностей при его могучих легких. Кроме того, он полагал свою гордость в том, что мог выпить шампанского больше, чем обыкновенный человек, и умел превосходно брать четырехфутовые барьеры. Таким образом, он приобрел вполне заслуженное уважение среди тех трудно определяемых существ, которые называются «молодыми людьми» и которыми кишат наши бульвары начиная с пяти часов вечера. Охота, загородные прогулки, скачки, холостые обеды, холостые ужины – всему этому он предавался со страстью. Раз двадцать на дню он повторял, что он счастливейший из смертных. И всякий раз, как Жюли это слышала, она поднимала глаза к небу, и маленький ротик ее выражал при этом несказанное презрение.

Она была молода, красива и замужем за человеком, который ей не нравился; вполне понятно, что ее окружало далеко не бескорыстное поклонение. Но, не считая присмотра матери, женщины очень благоразумной, собственная ее гордость (это был ее недостаток) до сей поры охраняла ее от светских соблазнов. К тому же разочарование, которое постигло ее в замужестве, послужив ей до некоторой степени уроком, притупило в ней способность воспламеняться. Она

гордилась тем, что в обществе ее жалеют и ставят в пример как образец покорности судьбе. Она была по-своему даже счастлива, так как никого не любила, а муж предоставлял ей полную свободу. Ее кокетство (надо признаться, она все же любила порисоваться тем, что ее муж даже не понимает, каким он обладает сокровищем) было совершенно инстинктивным, как кокетство ребенка. Оно отлично уживалось с пренебрежительной сдержанностью, совсем непохожей на чопорность. Притом она умела быть любезной со всеми, и со всеми одинаково. В ее поведении невозможно было найти ни малейшего повода для злословия.

Глава 2

Супруги обедали у матери Жюли г-жи де Люсан, собиравшейся уехать в Ниццу. Шаверни, который смертельно скучал у своей тещи, принужден был провести там вечер, хотя ему и очень хотелось встретиться со своими друзьями на бульваре. После обеда он уселся на удобный диван и просидел два часа, погруженный в молчание. Объяснялось его поведение очень просто: он заснул, сохраняя, впрочем, вполне приличный вид, склонив голову набок, словно с интересом прислушиваясь к разговору. Время от времени он даже просыпался и вставлял одно-два словечка.

Затем пришлось сесть за вист. Этой игры он терпеть не мог, так как она требует известного умственного напряжения. Все это задержало его довольно долго. Пробыло половину двенадцатого. На вечер Шаверни не был никуда приглашен – он решительно не знал, куда деваться. Покуда он мучился этим вопросом, доложили, что экипаж подан. Если он поедет домой, нужно будет ехать с женой; перспектива провести с ней двадцать минут с глазу на глаз пугала его. Но у него не было при себе сигар, и он сгорал от нетерпения вскрыть новый ящик, полученный им из Гавра как раз в ту минуту, когда он выезжал на обед. Он по-

корился своей участи.

Окутывая жену шалью, он не мог удержаться от улыбки, когда увидел себя в зеркале исполняющим обязанности влюбленного мужа. Обратил он внимание и на жену, на которую за весь вечер ни разу не взглянул. Сегодня она показалась ему красивее, чем обыкновенно; поэтому он довольно долго расправлял складки на ее шали. Жюли было также не по себе от предвкушения супружеского тет-а-тета. Она надула губки, и дуги бровей у нее невольно сдвинулись. Все это придавало ее лицу такое привлекательное выражение, что даже сам муж не мог остаться равнодушным. Глаза их в зеркале встретились во время только что описанной процедуры. Оба смутились. Чтобы выйти из неловкого положения, Шаверни, улыбаясь, поцеловал у жены руку, которую она подняла, чтобы поправить шаль.

– Как они любят друг друга! – прошептала г-жа де Люсан, не замечая ни холодной пренебрежительности жены, ни равнодушия супруга.

Сидя рядом в своем экипаже, почти касаясь друг друга, они некоторое время молчали. Шаверни отлично знал, что из приличия нужно о чем-нибудь заговорить, но ему ничего не приходило в голову. Жюли хранила безнадежное молчание. Он зевнул раза три или четыре, так что самому стало стыдно, и при послед-

нем зевке счел необходимым извиниться перед женой.

– Вечер затянулся, – заметил он в виде оправдания.

Жюли усмотрела в этом замечании намерение по критиковать вечера у ее матери и сказать ей какую-нибудь неприятность. С давних пор она привыкла уклоняться от всяких объяснений с мужем; поэтому она продолжала хранить молчание.

У Шаверни в этот вечер неожиданно развязался язык; минуты через две он снова начал:

– Я отлично пообедал сегодня, но должен вам сказать, что шампанское у вашей матушки слишком сладкое.

– Что? – спросила Жюли, неторопливо повернув к нему голову и притворяясь, что не расслышала.

– Я говорю, что шампанское у вашей матушки слишком сладкое. Я забыл ей об этом сказать. Странное дело: воображают, что нет ничего легче, как выбрать шампанское. Между тем это очень трудно. На двадцать плохих марок одна хорошая.

– Да?

Удостоив его из вежливости этим восклицанием, Жюли отвернулась и стала смотреть в окно кареты. Шаверни откинулся на спинку и положил ноги на переднюю скамеечку, несколько раздосадованный тем, что жена его так явно равнодушна ко всем его стара-

ниям завязать разговор.

Тем не менее, зевнув еще раза два или три, он снова начал, придвигаясь к Жюли:

– Сегодняшнее ваше платье удивительно к вам идет, Жюли. Где вы его заказывали?

«Наверно, он хочет заказать такое же для своей любовницы», – подумала Жюли и, слегка улыбнувшись, ответила:

– У Бюрти.

– Почему вы смеетесь? – спросил Шаверни, снимая ноги со скамеечки и придвигаясь еще ближе.

В то же время он жестом, несколько напомиравшим Тартюфа, стал поглаживать рукав ее платья.

– Мне смешно, что вы замечаете, как я одета, – отвечала Жюли. – Осторожнее! Вы изомнете мне рукава.

И она высвободила свой рукав.

– Уверяю вас, я очень внимательно отношусь к вашим туалетам и в полном восхищении от вашего вкуса. Честное слово, еще недавно я говорил об этом с... с одной женщиной, которая всегда очень плохо одета... хотя ужасно много тратит на платья... Она способна разорить... Я говорил с ней... и ставил в пример вас...

Жюли доставляло удовольствие его смущение; она даже не пыталась прийти к нему на помощь и не пре-

рывала его.

– У вас неважные лошади: они еле передвигают ноги. Нужно будет их поменять, – произнес Шаверни, совершенно смешавшись.

В течение остального пути разговор не отличался оживленностью: с той и с другой стороны он не шел далее нескольких фраз.

Наконец супруги добрались до дому и расстались, пожелав друг другу спокойной ночи.

Жюли начала раздеваться. Горничная ее зачем-то вышла, дверь в спальне неожиданно отворилась, и вошел Шаверни. Жюли торопливо прикрыла плечи платком.

– Простите, – сказал он, – мне бы хотелось почитать на сон грядущий последний роман Вальтера Скотта... *Квентин Дорвард*, кажется?

– Он, наверное, у вас, – ответила Жюли, – здесь книг нет.

Шаверни посмотрел на жену. Полуодетая (а это всегда подчеркивает красоту женщины), она показалась ему, если пользоваться одним из ненавистных мне выражений, *пикантной*. «В самом деле, она очень красива!» – подумал Шаверни. И он продолжал стоять перед нею, не двигаясь с места и не говоря ни слова, с подсвечником в руке. Жюли тоже стояла перед ним и мяла ночной чепчик, казалось, с нетерпением ожи-

дая, когда он оставит ее одну.

– Вы сегодня очаровательны, черт меня побери! – воскликнул Шаверни, делая шаг вперед и ставя подсвечник. – Люблю женщин с распущенными волосами!

С этими словами он схватил рукою одну из прядей, покрывавших плечи Жюли, и почти с нежностью обнял ее за талию.

– Боже мой, как от вас пахнет табаком! – воскликнула Жюли и отвернулась. – Оставьте мои волосы в покое, а то они пропитаются табачным запахом, и я не смогу от него отделаться.

– Пустяки! Вы говорите это просто так, зная, что я иногда курю. Ну, женушка, не изображайте из себя недотрогу!

Она недостаточно быстро вырвалась из его объятий, так что ему удалось поцеловать ее в плечо.

К счастью для Жюли, вернулась горничная. Для женщин нет ничего ненавистнее подобных ласк, которые и принимать, и отвергать одинаково смешно.

– Мари! – обратилась г-жа де Шаверни к горничной. – У моего голубого платья лиф слишком длинен. Я видела сегодня госпожу де Бежи, а у нее безукоризненный вкус: лиф у нее был на добрых два пальца короче. Заколите складку булавками – посмотрим, как это выйдет.

Между горничной и барыней завязался самый

оживленный разговор относительно того, какой длины должен быть лиф. Жюли знала, что Шаверни терпеть не может разговоров о тряпках и что она его выживет таким образом. Действительно, походив взад и вперед минут пять и видя, что Жюли всецело занята своим лифом, Шаверни зевнул во весь рот, взял свой подсвечник, вышел и больше не возвращался.

Глава 3

Майор Перен сидел за маленьким столиком и внимательно читал. Тщательно вычищенный сюртук, фуражка и в особенности гордо выпяченная грудь – все выдавало в нем старого служаку. В комнате у него все было чисто, но крайне просто. Чернильница и два очищенных пера находились на столе рядом с пачкой почтовой бумаги, ни один листик которой не был пущен в ход по крайней мере в течение года. Но если майор Перен не любил писать, то читал он очень много. В настоящее время он читал *Персидские письма*, покуривая пенковую трубку, и двойное занятие это поглощало все его внимание, так что он не сразу заметил, как в его комнату вошел майор де Шатофор. Это был молодой офицер из его полка, обладавший очаровательной наружностью, крайне любезный, фатоватый, которому очень покровительствовал военный министр, – словом, почти во всех отношениях прямая противоположность майору Перену. Тем не менее они почему-то дружили и видались ежедневно.

Шатофор хлопнул по плечу майора Перена. Тот обернулся, не вынимая трубки изо рта. Первым чувством его была радость при виде друга; вторым – сожаление (достойный человек!), что его оторвали от

книги; третьим – покорность обстоятельствам и полная готовность быть гостеприимным хозяином. Он стал отыскивать в кармане ключ от шкафа, где хранилась заветная коробка с сигарами, которых сам майор не курил, но которыми он по одной угощал своего друга.

Но Шатофор, выдавший это движение сотни раз, остановил его, воскликнув:

– Не надо, дядюшка Перен, поберегите ваши сигары! Я взял с собой.

Затем он достал изящный портсигар из мексиканской соломки, вынул оттуда сигару цвета корицы, заостренную с обоих концов, и, закурив ее, растянулся на маленькой кушетке, которой майор Перен никогда не пользовался; голову он положил на изголовье, а ноги – на противоположный валик. Первым делом Шатофор окутал себя облаком дыма; потонув в нем, он закрыл глаза, словно обдумывая то, что намеревался сообщить. Лицо его сияло от радости; грудь, по-видимому, с трудом удерживала тайну счастья – он горел нетерпением выдать ее. Майор Перен, усевшись на стул около кушетки, некоторое время курил молча, потом, видя, что Шатофор не торопится рассказывать, спросил:

– Как поживает Урика?

Урика была черная кобыла, которую Шатофор за-

гнал, чуть не доведя ее до запала.

– Отлично, – ответил Шатофор, не расслышав вопроса. – Перен! – вскричал он, вытягивая по направлению к нему ногу, лежавшую на валике кушетки. – Знаете ли вы, что для вас большое счастье быть моим другом?..

Старый майор стал перебирать в уме, какие выгоды имел он от знакомства с Шатофором, но ничего не мог вспомнить, кроме нескольких фунтов кнастера, которые тот ему подарил, да нескольких дней ареста за участие в дуэли, где первую роль играл Шатофор. Правда, его друг неоднократно давал ему доказательства своего доверия. Шатофор всегда обращался к Перену, когда нужно было заменить его по службе или когда ему требовался секундانت.

Шатофор не дал ему времени на раздумье и протянул письмецо на атласной английской бумаге, написанное красивым бисерным почерком. Майор Перен соорил гримасу, которая у него должна была заменять улыбку. Он часто видел эти атласные письма, покрытые бисерным почерком и адресованные его другу.

– Вот, прочтите, – сказал тот, – вы этим обязаны мне.

Перен прочел нижеследующее:

Было бы очень мило с Вашей стороны, дорогой господин де Шатофор, если бы Вы пришли к нам пообедать. Господин де Шаверни лично приехал бы Вас пригласить, но он должен отправиться на охоту. Я не знаю адреса майора Перена и не могу послать ему письменное приглашение. Вы возбудили во мне желание познакомиться с ним, и я буду Вам вдвойне обязана, если Вы привезете его к нам.

Жюли де Шаверни

P. S. Я Вам крайне признательна за ноты, которые Вы для меня потрудились переписать. Музыка очаровательна и, как всегда, доказывает Ваш вкус. Вы не приходите больше к нам по четвергам. Между тем Вы знаете, какое удовольствие доставляют нам Ваши посещения.

– Красивый почерк, только слишком мелкий, – сказал Перен, окончив чтение. – Но, черт возьми, обед этот мало меня интересует; придется надеть шелковые чулки и не курить после обеда!

– Какая неприятность!.. Стало быть, вы предпочитаете трубку самой хорошенькой женщине в Париже... Но больше всего меня удивляет ваша неблагодарность, вы даже не поблагодарили меня за счастье, которым обязаны мне.

– Вас благодарить? Но ведь этим удовольствием я

обязан не вам... если только это можно назвать удовольствием.

– А кому же?

– Шаверни, который был у нас ротмистром. Наверно, он сказал своей жене: «Пригласи Перена, он добрый малый». С какой стати хорошенькая женщина, с которой я встречался всего один раз, будет приглашать такую старую корягу?

Шатофор улыбнулся и взглянул в узенькое зеркальце, украшавшее помещение майора.

– Сегодня вы не особенно проникательны, дядюшка Перен. Перечтите-ка еще раз это письмо: может быть, вы найдете кое-что, чего вы не рассмотрели.

Майор рассмотрел письмо со всех сторон, но ничего не увидел.

– Как! – вскричал Шатофор. – Неужели вы, старый драгун, не понимаете? Ведь она приглашает вас, чтобы доставить мне удовольствие, единственно из желания показать мне, что она считается с моими друзьями... чтобы дать мне понять...

– Что? – перебил его Перен.

– Что? Вы сами знаете что.

– Что она вас любит? – спросил недоверчиво майор.

Шатофор в ответ засвистел.

– Значит, она влюблена в вас?

Шатофор снова свистнул.

– Она призналась вам?

– Но... Мне кажется, это и так видно.

– Откуда?.. Из этого письма?..

– Конечно.

Теперь уже засвистел Перен. Свист его был так же многозначителен, как пресловутое *Лиллибулерио* дя-дюшки Тоби.

– Как! – вскрикнул Шатофор, вырывая письмо из рук Перена. – Вы не видите, сколько в этом письме заключено... нежности... именно нежности? «Дорогой господин де Шатофор», – что вы на это скажете? Заметьте, что раньше в письмах она писала мне просто «милостивый государь». «Я буду Вам вдвойне обязана» – это ясно. И посмотрите, в конце зачеркнуто слово «искренне». Она хотела написать «искренне расположенная к Вам», но не решилась. А «искренне уважающая Вас» ей казалось слабым... Она не кончила письма... Чего вы еще хотите, старина? Чтобы дама из хорошей семьи бросилась на шею вашему покорнейшему слуге как маленькая гризетка?.. Письмо, уверяю вас, очаровательно, нужно быть слепым, чтобы не видеть всей его страстности... А что вы скажете об упреках в конце письма за то, что я пропустил один-единственный четверг?

– Бедная женщина! – воскликнул Перен. – Не влюб-

ляйся в этого человека: ты очень скоро раскаешься.

Шатофор пропустил мимо ушей восклицание приятеля и, понизив голос, заговорил вкрадчиво:

– Знаете, дорогой, вы могли бы мне оказать большую услугу...

– Каким образом?

– Вы должны мне помочь в этом деле. Я знаю, что муж с ней очень плохо обращается... Из-за этого скота она несчастна... Вы его знаете, Перен. Подтвердите его жене, что он – грубое животное и что репутация у него прескверная.

– О!..

– Развратник... Вы же знаете! Когда он был в полку, у него были любовницы, и какие любовницы! Расскажите обо всем его жене.

– Но как же говорить о таких вещах? Соваться не в свое дело!..

– Боже мой, все можно сказать умеючи! Но главное, отзовитесь с похвалой обо мне.

– Это легче. Но все-таки...

– Не так-то легко, как кажется. Дай вам волю, вы меня так расхвалите, что от ваших похвал не поздоровится... Скажите ей, что с некоторых пор, как вы замечаете, я сделался грустным, перестал разговаривать, перестал есть...

– Еще чего! – воскликнул Перен, громко расхохо-

тавшись, отчего трубка его заплясала самым забавным образом. – Этого я никогда не смогу сказать в лицо госпоже де Шаверни. Еще вчера вечером вас чуть не на руках унесли после обеда, который нам давали сослуживцы.

– Да, но рассказывать ей об этом – совершенно лишнее. Пусть она знает, что я в нее влюблен. А эти писаки-романисты вбили женщинам в голову, что человек, который ест и пьет, не может быть влюбленным.

– Вот я, например, не знаю, что бы могло меня заставить отказаться от еды и питья.

– Итак, решено, дорогой Перен! – сказал Шатофор, надевая шляпу и поправляя завитки волос. – В четверг я за вами захожу. Туфли, шелковые чулки, парадный мундир. Главное, не забудьте наговорить ей всяких ужасов про мужа и как можно больше хорошего про меня.

Он ушел, грациозно помахивая тросточкой, а майор Перен остался, крайне обеспокоенный только что полученным приглашением. Особенно мучила его мысль о шелковых чулках и парадном мундире.

Глава 4

Обед оказался скучноватым, так как многие из приглашенных к г-же де Шаверни прислали извинительные записки. Шатофор сидел рядом с Жюли, заботливо услуживал ей, был галантен и любезен, как всегда. Что касается Шаверни, то, совершив утром длинную прогулку верхом, он здорово проголодался. Ел и пил он так, что возбудил бы аппетит даже у смертельно больного. Майор Перен поддерживал компанию, часто подливал ему вина и так хохотал, что стекла дребезжали всякий раз, когда бурная веселость хозяина давала ему повод для смеха. Шаверни, очутившись снова в обществе военных, сразу обрел и прежнее хорошее настроение, и казарменные замашки; впрочем, он никогда особенно не стеснялся в выборе выражений. Жена его принимала холодно-презрительный вид при каждой его грубой шуточке. В таких случаях она поворачивалась в сторону Шатофора и заводила с ним отдельную беседу, чтобы не было заметно, что она слышит разговор, который ей был в высшей степени неприятен.

Приведем образчик изысканности этого примерно-го супруга. Под конец обеда речь зашла об опере, стали обсуждать достоинства различных танцовщиц;

в числе других очень хвалили мадемуазель Н. Шатофор старался больше всех, расхваливая в особенности ее грацию, стройность, скромный вид.

Перен, которого Шатофор несколько дней тому назад водил в оперу и который был там один-единственный раз, очень хорошо запомнил мадемуазель Н.

– Это та малютка в розовом, что скакала, как козочка? Та самая, о чьих ножках вы так много толковали, Шатофор?

– А, вы толковали о ее ножках? – вскричал Шаверни. – Но знаете: если вы слишком много будете об этом толковать, вы поссоритесь с вашим генералом, герцогом де Ж.! Берегитесь, приятель!

– Ну я думаю, он не так ревнив, чтобы запрещать смотреть на ее ножки в бинокль.

– Наоборот! Он так ими гордится, будто это он их открыл. Что скажете, майор Перен?

– Я понимаю толк только в лошадиных ногах, – скромно ответил старый вояка.

– Они в самом деле изумительны! – продолжал Шаверни. – Равных им нет в Париже, разве только...

Он остановился и начал крутить ус с самодовольным видом, глядя на свою жену, которая покраснела до корней волос.

– Разве только у мадемуазель Д., – перебил его Шатофор, называя другую танцовщицу.

– Нет! – трагическим тоном Гамлета ответил Шаверни. – «Вы лучше на жену мою взгляните».

Жюли сделалась пунцовой от негодования. Она бросила на мужа молниеносный взгляд, в котором ясно были видны презрение и бешенство. Потом, овладев собой, она вдруг обратилась к Шатофору.

– Хорошо бы нам просмотреть дуэт из *Maometto*², – произнесла она слегка дрожащим голосом. – Мне кажется, он будет вам вполне по голосу.

Шаверни не так легко было сбить с позиции.

– Знаете, Шатофор, – не унимался он, – я все хотел заказать гипсовый слепок с ног, о которых я говорю, но никак не мог добиться согласия их обладательницы.

Шатофор с живейшей радостью слушал эти нескромные разоблачения, но делал вид, что, будучи всецело занят разговором с г-жой де Шаверни о *Maometto*, ничего не слышит.

– Особа, о которой идет речь, – продолжал неумолимый супруг, – обычно страшно возмущается, когда ей отдают должное по этому пункту, но в глубине души совсем не сердится. Знаете, она всегда заставляет чулочного мастера снимать мерку... Не сердитесь, дорогая: я хотел сказать – мастерицу... И когда я ездил в Брюссель, она три страницы заполнила подробнейшими указаниями по поводу покупки чулок.

---

² «Магомет» (*um.*).

Он мог говорить сколько ему угодно – Жюли твердо решила ничего не слышать. Беседуя с Шатофором, она говорила с преувеличенной веселостью, своей прелестной улыбкой стараясь убедить его, что только его и слушает. Шатофор, по-видимому, тоже был всецело поглощен *Maometto*, но ни одна из нескромностей Шаверни не ускользнула от него.

После обеда занялись музыкой, г-жа де Шаверни пела с Шатофором. Как только подняли крышку фортепьяно, Шаверни исчез. Пришли новые гости, но это не помешало Шатофору переговариваться шепотом с Жюли. Выходя, он объявил Перену, что вечер не пропал даром и дела его подвинулись вперед.

Перен находил вполне естественным, что муж говорил о жениных ногах; поэтому, когда они остались с Шатофором на улице одни, он сказал проникновенным голосом:

– Как у вас хватает духа нарушать супружеское счастье? Он так любит свою прелестную жену.

Глава 5

Вот уже месяц, как Шаверни занимала мысль сделаться камер-юнкером.

Может быть, покажется удивительным, что этому тучному, любящему удобства человеку доступны были честолюбивые мечты, но у него было достаточно оправданий своему тщеславию.

– Прежде всего, – говорил он друзьям, – я очень много трачу на ложи для женщин. Получив придворную должность, я буду иметь в своем распоряжении сколько угодно даровых лож. А известно, что с помощью лож можно достигнуть чего угодно! Затем я очень люблю охотиться, и к моим услугам будут королевские охоты. Наконец, теперь, когда я не ношу мундира, я решительно не знаю, как одеваться на придворные балы; одеваться маркизом я не люблю, а камер-юнкерский мундир отлично мне пойдет.

Итак, он начал хлопотать. Ему хотелось, чтобы и жена принимала участие в этих хлопотах, но она наотрез отказалась, хотя у нее было немало влиятельных подруг. Он оказал несколько мелких услуг очень влиятельному в ту пору при дворе герцогу Г. и многого ждал от его покровительства. У друга его Шатофора тоже было много полезных знакомых, и он помо-

гал Шаверни с усердием и преданностью, которые вы тоже, может быть, встретите в жизни, если будете мужем хорошенькой женщины.

Одно обстоятельство значительно подвинуло вперед дела Шаверни, хотя и могло бы иметь для него роковые последствия. Г-жа де Шаверни достала как-то, не без некоторого труда, ложу в оперу на первое представление. В ложе было шесть мест. Муж ее после долгих уговоров вопреки своему обыкновению согласился сопровождать ее. Жюли хотела предложить одно место Шатофору; понимая, что она не может ехать в оперу с ним вдвоем, она взяла слово с мужа, что он тоже будет присутствовать на этом представлении.

Сейчас же после первого акта Шаверни вышел, оставив жену наедине со своим другом. Оба сначала хранили несколько натянутое молчание: Жюли с некоторых пор вообще чувствовала себя стесненно, оставаясь вдвоем с Шатофором, а у Шатофора были свои расчеты, и он находил уместным казаться взволнованным. Бросив украдкой взгляд на зрительный зал, он с удовольствием заметил, что бинокли многих знакомых направлены на их ложу. Он испытывал чувство удовлетворения при мысли, что большинство его друзей завидуют его счастью, по-видимому, считая это счастье более полным, чем оно было в действительности.

Жюли понюхала несколько раз свой флакончик с духами и свой букет, поговорила о духоте, о спектакле, о туалетах. Шатофор слушал рассеянно, вздыхал, вертелся на стуле, посматривая на Жюли, и снова вздыхал. Жюли начала уже беспокоиться. Вдруг он воскликнул:

– Как я жалею, что прошли рыцарские времена!

– Рыцарские времена? Почему? – спросила Жюли. – Должно быть, потому, что, по вашему мнению, к вам пошел бы средневековый костюм?

– Вы считаете меня большим фатом! – сказал он горестно и печально. – Нет, я жалею о тех временах потому, что человек смелый... тогда... мог добиться... многого. В конце концов достаточно было разрубить какого-нибудь великана, чтобы понравиться даме... Посмотрите вон на того огромного человека на балконе. Мне бы хотелось, чтобы вы приказали мне оборвать ему усы, а за это позволили сказать вам три словечка, не возбуждая вашего гнева.

– Что за вздор! – воскликнула Жюли, краснея до ушей: она сразу догадалась, какие это три словечка. – Взгляните на госпожу де Сент-Эрми. В ее возрасте – бальное платье и декольте!

– Я вижу только то, что вы не желаете меня выслушать, я давно это замечаю... Вам угодно, чтобы я молчал. Но, – прибавил он шепотом и со вздохом, – вы

меня поняли...

– Нисколько, – сухо ответила Жюли. – Но куда же пропал мой муж?

Очень кстати кто-то вошел в ложу, и это вывело Жюли из неловкого положения. Шатофор не открывал рта. Он был бледен и казался глубоко взволнованным. Когда посетитель ушел, он сделал несколько незначительных замечаний относительно спектакля. Разговор прерывался долгими паузами.

Перед самым началом второго действия дверь в ложу открылась, и появился Шаверни, сопровождая молодую женщину, очень красивую и разряженную, с великолепными розовыми перьями в прическе. За ними шел герцог Г.

– Милая моя! – обратился Шаверни к жене. – Оказывается, у герцога и его дамы ужасная боковая ложа, оттуда совсем не видно декораций. Они согласились пересесть в нашу.

Жюли холодно поклонилась. Герцог Г. ей не нравился. Герцог и дама с розовыми перьями рассыпались в извинениях, опасаясь, что они стеснят. Все засуетились и стали уступать друг другу лучшие места. Во время происшедшей сумятицы Шатофор наклонился к Жюли и быстро шепнул ей:

– Ради бога, не садитесь впереди!

Жюли очень удивилась и осталась на прежнем ме-

сте. Когда все уселись, она повернулась к Шатофору и довольно строгим взглядом спросила объяснения этой загадки. Он сидел, не поворачивая головы, поджав губы, и весь его вид выражал крайнее неудовольствие. Подумав, Жюли объяснила себе совет Шатофора довольно мелкими побуждениями. Она решила, что он и во время спектакля хочет продолжать свой странный разговор шепотом, что, конечно, было бы невозможно, останься она у барьера. Переведя глаза на зрительный зал, она заметила, что многие женщины направили свои бинокли на их ложу, но ведь так бывает всегда, когда появляется новое лицо. Смотревшие шептались, пересмеивались, но что же в этом необыкновенного? Оперный театр – это маленький провинциальный городок.

Незнакомая дама наклонилась к букету Жюли и произнесла с очаровательной улыбкой:

– Какой дивный букет у вас, сударыня! Наверно, он страшно дорого стоит в это время года – по крайней мере десять франков? Но вам его преподнесли, это подарок, разумеется? Дамы никогда не покупают сами себе цветов.

Жюли широко раскрыла глаза, недоумевая, что за провинциалку ей бог послал.

– Герцог! – продолжала дама с томным видом. – А вы мне не поднесли букета!

Шаверни бросился к двери. Герцог хотел его остановить, дама тоже – ей уже расхотелось иметь букет. Жюли переглянулась с Шатофором. Взгляд ее хотел сказать: «Благодарю вас, но теперь уже поздно». Но все же она еще не разгадала, в чем дело.

Во время всего спектакля дама с перьями не в такт постукивала пальцами и вкривь и вкось толковала о музыке. Она расспрашивала Жюли, сколько стоит ее платье, ее драгоценности, выезд. Жюли еще никогда не видала подобных манер. Она решила, что незнакомка приходится какой-нибудь родственницей герцогу и только что приехала из Нижней Бретани. Когда Шаверни вернулся с огромным букетом, лучшим, чем у жены, начались бесконечные восторги, посыпались благодарности, извинения.

– Господин де Шаверни! – сказала наконец после длинной тирады провинциальная дама. – Я не лишена чувства благодарности. В доказательство «напомните мне что-нибудь вам пообещать», как говорит Путье. В самом деле, я вышью вам кошелек, когда кончу кошелек, обещанный герцогу.

Наконец опера кончилась, к большому облегчению Жюли, которой было не по себе рядом с такой странной соседкой. Герцог подал руку Жюли; Шаверни предложил свою другой даме. Шатофор с мрачным и недовольным видом шел за Жюли, смущенно рас-

кланиваясь со знакомыми, которые ему встречались на лестнице.

Мимо них прошли женщины. Жюли где-то их уже видела. Какой-то молодой человек шепнул им что-то, посмеиваясь; они с живейшим любопытством посмотрели на Шаверни и его жену, и одна из них воскликнула:

– Да не может быть!

Герцогу подали карету, он поклонился г-же де Шаверни, с жаром поблагодарив еще раз за ее любезность. Шаверни захотел проводить незнакомку до герцогской кареты, и на минуту Жюли с Шатофором остались одни.

– Кто эта женщина? – спросила Жюли.

– Я не могу вам этого сказать... это слишком необыкновенно.

– Как?

– В конце концов все, кто вас знает, сумеют разобраться, в чем дело... Но Шаверни!... Этого я от него не ожидал.

– Но что все это значит? Ради бога, скажите! Кто она?

Шаверни шел уже обратно. Шатофор, понизив голос, сказал:

– Любовница герцога Г., Мелани Р.

– Боже! – воскликнула Жюли, посмотрев на Шато-

фора с изумлением. – Этого не может быть!

Шатофор пожал плечами и, провожая ее к карете, добавил:

– Это же самое говорили и дамы, которых мы встретили на лестнице. Для своего разряда это еще вполне приличная женщина. Она требует внимания, почтительности... У нее даже есть муж.

– Милочка! – сказал Шаверни веселым голосом. – Вы отлично можете доехать домой без меня. Спокойной ночи! Я еду ужинать к герцогу.

Жюли молчала.

– Шатофор! – продолжал Шаверни. – Не хотите ли поехать со мной к герцогу? Мне только что сказали, что вы тоже приглашены. Вас заметили. Вы произвели впечатление, плутишка.

Шатофор холодно поблагодарил и простился с г-жой де Шаверни, которая закусила платок от негодования, когда карета тронулась.

– Ну, милый, – обратился к нему Шаверни, – по крайней мере хоть подвезите меня в вашем кабриолете до дверей этой инфанты.

– Охотно, – ответил весело Шатофор. – Кстати, вы знаете, что жена ваша в конце концов поняла, с кем она сидела рядом?

– Не может быть!

– Уверяю вас. И это не очень хорошо с вашей сто-

роны.

– Пустяки! Она держит себя вполне прилично. И потом, еще мало кто ее знает. Герцог бывает с ней всюду.

Глава 6

Госпожа де Шаверни провела очень беспокойную ночь. Поведение ее мужа в опере превзошло все его проступки и, как ей показалось, требовало немедленного разрыва. Завтра же она с ним объяснится и заявит, что не намерена более оставаться под одной крышей с человеком, так жестоко ее скомпрометировавшим. Однако объяснение это ее пугало. До сих пор неудовольствие ее выражалось лишь в том, что она дулась, на что Шаверни не обращал ни малейшего внимания; предоставив жене своей полную свободу, он не допускал мысли, чтобы она могла отказать ему в снисходительности, которую в случае нужды он готов был проявить по отношению к ней. Всего больше она боялась, что во время объяснения она расплечется и Шаверни припишет эти слезы оскорбленному чувству любви. Вот когда она пожалела, что подле нее нет матери, которая могла бы дать ей хороший совет или взять на себя заявление о разрыве. От всех этих мыслей она пришла в сильнейшее замешательство и, засыпая, решила посоветоваться с одной из своих замужних подруг, которая знала ее с ранней юности, и довериться ее благоразумию в вопросе о том, как вести себя с Шаверни.

Вся во власти негодования, она невольно сравнила своего мужа с Шатофором. Чудовищная бестактность первого оттеняла деликатность второго, и г-жа де Шаверни не без удовольствия, за которое она, впрочем, упрекнула себя, отметила, что влюбленный заботился о ее чести больше, чем муж. Сравнивая их нравственные качества, она, естественно, пришла к мысли о том, насколько изящны манеры Шатофора и до чего непривлекателен весь облик Шаверни. Она живо представляла себе мужа с его брюшком, грузно суетящегося около любовницы герцога Г., между тем как Шатофор, еще более почтительный, чем обычно, казался, старался поддержать уважение к ней со стороны света, которое муж готов был разрушить. Наконец – а ведь мысли могут завести нас далеко помимо нашей воли, – она представляла себе, что может оловеть, и тогда ничто не помешает ей, молодой и богатой женщине, законным образом увенчать любовь и постоянство юного командира эскадрона. Неудачный опыт не есть еще довод против брака вообще, и если привязанность Шатофора искренняя... Но она гнала эти мысли, заставлявшие ее краснеть, и давала себе слово быть с ним еще сдержаннее, чем раньше.

Она проснулась с ужасной головной болью и еще менее, чем накануне, подготовленной к решительному объяснению. Она не пожелала выйти к завтраку

из страха встретиться с мужем, велела подать чай к себе в комнату и заказала экипаж, чтобы поехать к г-же Ламбер, своей приятельнице, с которой она хотела посоветоваться. Дама эта находилась в то время в своем поместье в П.

За завтраком Жюли развернула газету. Первое, что попало ей на глаза, было следующее:

Г-н Дарси, первый секретарь французского посольства в Константинополе, позавчера прибыл в Париж с дипломатической почтой. Сразу же по своем прибытии молодой дипломат имел продолжительную беседу с его превосходительством министром иностранных дел.

– Дарси в Париже! – воскликнула она. – Я бы с удовольствием его повидала. Изменился ли он? Наверно, стал очень чопорным? «Молодой дипломат»! Дарси – молодой дипломат.

Она не могла удержаться от смеха при словах «молодой дипломат».

Этот Дарси в свое время часто посещал вечера г-жи де Люсан. Тогда он был атташе при министерстве иностранных дел. Из Парижа он уехал незадолго до замужества Жюли, и с тех пор они не видались. Она знала только одно – что он много путешествовал и

быстро получил повышение.

Она еще держала газету в руках, когда в комнату вошел муж. По-видимому, он был в прекраснейшем настроении. Увидев его, она поднялась и хотела выйти. Но для того, чтобы попасть в будуар, нужно было пройти мимо него; поэтому она продолжала стоять на месте, но так волновалась, что рука ее, опиравшаяся на чайный столик, заметно дрожала и фарфоровый сервиз дребезжал.

– Дорогая моя! – сказал Шаверни. – Я пришел проститься с вами на несколько дней. Я еду на охоту к герцогу Г. Могу сообщить вам, что он в восторге от вашей вчерашней любезности. Дела мои идут хорошо, и он обещал похлопотать обо мне перед королем самым настойчивым образом.

Слушая его, Жюли то бледнела, то краснела.

– Герцог Г. только исполняет свой долг по отношению к вам, – сказала она дрожащим голосом. – Меньше нельзя сделать для человека, который так скандально компрометирует свою жену с любовницами своего покровителя.

Потом, сделав над собой огромное усилие, она величественной походкой прошла через комнату в свой будуар и громко захлопнула за собой дверь.

Шаверни с минуту постоял, смущенно потупившись. «Черт побери, откуда она знает? – подумал

он. – Но, в конце концов, не все ли равно? Что сделано, то сделано!» И так как не в его правилах было долго задерживаться на непонятной мысли, он сделал пируэт, взял из сахарницы кусочек сахара и, положив его в рот, крикнул вошедшей горничной:

– Передайте жене, что я пробуду у герцога дней пять и пришлю ей дичи!

Шаверни вышел из дому, ни о чем другом не думая, как о фазанах и диких козах, которых он собирался настрелять.

Глава 7

Жюли поехала в П., вдвойне рассерженная на мужа. Вторая причина ее неудовольствия была довольно пустой. Он велел заложить себе новую коляску, чтобы отправиться в замок к герцогу Г., а жене оставил другой экипаж, требовавший, по словам кучера, починки.

По дороге г-жа де Шаверни обдумала, как она расскажет г-же Ламбер о своем приключении. Несмотря на свою горе, она предвкушала удовольствие, которое испытывает всякий рассказчик, когда он хорошо рассказывает свою историю; она готовилась к повествованию, подыскивая вступление и пробуя начать то так, то этак. В результате этого поступок мужа предстал перед нею во всем его безобразии, и чувство обиды у нее соответственно возросло.

Всем известно, что от Парижа до П. более четырех миль, и как бы длинен ни был обвинительный акт, составленный г-жой де Шаверни, даже при жгучей ненависти невозможно столько времени думать об одном и том же. К негодованию, вызванному провинностью мужа, стали примешиваться нежные меланхолические воспоминания: такова уж странная способность человеческого ума связывать иногда с тягост-

ными впечатлениями ласкающие образы.

Чистый и холодный воздух, ясное солнце, беззаботные лица прохожих также способствовали тому, что ее раздражение рассеялось. На память ей пришли картины детства, когда она гуляла за городом со своими юными сверстницами. Ей живо представились монастырские подруги, их игры, трапезы. Теперь ей понятны были те таинственные признания, которые случайно доносились до ее слуха от старших учениц, и она невольно улыбнулась, подумав, как рано в сотне мелких черточек сказывается природная склонность женщин к кокетству.

Потом она представила себе свой выезд в свет. Она заново переживала самые блестящие из балов, на которых она бывала в первый год после выхода из монастыря. Остальные балы она забыла: пресыщение наступает так быстро! Эти первые балы напомнили ей о муже. «Какая я была глупая! – подумала она. – Как с первого взгляда не поняла я, что буду с ним несчастлива?» Все нелепости, все бестактности, которые бедный Шаверни за месяц до свадьбы совершил в качестве жениха с таким апломбом, сохранились в ее памяти, все было тщательно запротоколировано. В то же время она не могла отогнать мысль о том, скольких поклонников ее замужество повергло в отчаяние, хотя это не помешало им в скором времени

жениться или утешиться другим способом.

«Была ли бы я счастлива с другим? – задавала она себе вопрос. – А., разумеется, глуп, но он безобиден, и Амели вертит им, как хочет. С послушным мужем всегда можно ужиться. У Б. есть любовницы, и жена его по своей наивности огорчается. Вот дурочка! В конце концов, он с нею чрезвычайно почтителен, и... я этим вполне бы удовольствовалась. Молодой граф С., который целый день занят чтением памфлетов и старается стать со временем хорошим депутатом, мог бы, пожалуй, оказаться хорошим мужем. Да, но все эти господа скучны, безобразны, глупы...» В то время, как она перебирала в памяти всех молодых людей, которых знавала еще девушкой, фамилия Дарси вторично пришла ей на ум.

В свое время в кружке г-жи де Люсан Дарси не пользовался большим весом, так как было известно – известно мамашам, – что отсутствие состояния не позволяет ему иметь виды на их дочерей. Что касается самих дочерей, то они не видели в его внешности, хотя и привлекательной, ничего, что могло бы вскружить их молодые головы. Впрочем, репутацией он пользовался прекрасной. Он был слегка мизантроп, обладал едким умом; ему доставляло удовольствие, сидя в кругу барышень, смеяться над комичностью и претенциозностью остальных молодых людей. Когда он

говорил вполголоса с какой-нибудь из девиц, мамыши не беспокоились, так как дочери громко смеялись, а мамыши тех девиц, у которых были хорошие зубы, даже находили г-на Дарси весьма приятным молодым человеком.

Общность вкусов, а также боязнь попасться друг другу на зубок сблизили Жюли и Дарси. После нескольких стычек они заключили мирный договор, наступательный и оборонительный союз. Друг друга они щадили, но всегда были заодно, когда являлся повод высмеять кого-нибудь из знакомых.

Как-то на вечере Жюли попросили что-нибудь спеть. У нее был хороший голос, и она это знала. Подойдя к фортепьяно, она, перед тем как петь, обвела женщин горделивым взглядом, словно посылая им вызов. Но как раз в этот вечер, по нездоровью ли, по несчастной ли случайности, она оказалась не в голосе. Первая же нота, вылетевшая из ее обычно столь певучего, мелодичного горлышка, была положительно фальшивой. Жюли смутилась и пропела все из рук вон плохо, ни один из пассажиров ей не удался – словом, провал был скандальный. Смешавшись и чуть не плача, Жюли отошла от фортепьяно; возвращаясь на свое место, она не могла не заметить плохо скрытое злорадство на лицах своих подруг при виде ее униженной гордости. Даже мужчины, казалось, с трудом

сдерживали насмешливую улыбку. От стыда и гнева она опустила глаза и некоторое время не решалась ни на кого взглянуть. Первое дружелюбное лицо, которое она увидела, подняв голову, было лицо Дарси. Он был бледен, глаза были наполнены слезами: казалось, он был огорчен ее неудачей больше, чем она сама. «Он любит меня! – подумала она. – Он искренне меня любит». Она не спала почти всю ночь, и все время у нее перед глазами стояло печальное лицо Дарси. Целых два дня она думала о нем и о тайной страсти, которую, очевидно, он к ней питает. Роман уже начал развиваться, как вдруг г-жа де Люсан нашла у себя визитную карточку Дарси с тремя буквами: *P. P. C.*

– Куда же Дарси едет? – спросила Жюли у одного молодого человека, его знакомого.

– Куда он едет? Разве вы не знаете? В Константинополь. Он отправляется сегодня вечером в качестве дипломатического курьера.

«Значит, он меня не любит!» – подумала Жюли. Через неделю Дарси был забыт. Но сам Дарси, который в то время был настроен довольно романтически, месяцев восемь не мог забыть Жюли.

Чтобы извинить Жюли и понять удивительную разницу в степени их постоянства, нужно принять во внимание, что Дарси жил среди варваров, между тем как Жюли осталась в Париже, окруженная поклонением и

удовольствиями.

Как бы то ни было, через шесть или семь лет после их разлуки Жюли в своей карете по дороге в П. припомнила грустное выражение лица Дарси в тот вечер, когда она так неудачно пела. И, нужно признаться, ей даже пришло на ум, что, вероятно, он в то время любил ее. Все это в течение некоторого времени занимало ее достаточно живо, но, проехав с полмили, она в третий раз позабыла о Дарси.

Глава 8

Жюли не на шутку огорчилась, когда сразу же по прибытии в П. увидела, что во дворе г-жи Ламбер стоит какой-то экипаж, из которого выпрягают лошадей: это означало, что здесь находятся посетители, которые не собираются скоро уезжать. Следовательно, невозможно было поговорить об обиде, причиненной ей мужем.

Когда Жюли входила в гостиную, у г-жи Ламбер сидела дама, с которой Жюли встречалась в обществе, не зная ее имени. Ей стоило некоторого труда скрыть свою досаду на то, что она зря приехала в П.

– Ну вот наконец-то, красавица моя! – вскричала г-жа Ламбер, обнимая ее. – Как я рада, что вы не забыли меня! Приехали вы необыкновенно кстати: я жду сегодня много гостей, и все они от вас без ума.

Жюли ответила несколько принужденно, что она рассчитывала застать г-жу Ламбер одну.

– Они будут страшно рады вас видеть, – продолжала г-жа Ламбер. – С тех пор как дочь вышла замуж, в доме у меня стало так уныло, что я бываю счастлива, когда моим друзьям приходит в голову мысль обратиться у меня. Но, дитя мое, куда девался ваш прекрасный цвет лица? Вы сегодня ужасно бледны.

Жюли решила солгать: длинная дорога, пыль, солнце...

– Как раз сегодня у меня обедает один из ваших поклонников, для которого ваш приезд будет приятной неожиданностью: господин де Шатофор. С ним будет, по всей вероятности, его верный Ахат, майор Перен.

– Недавно я имела удовольствие принимать у себя майора Перена, – ответила Жюли и покраснела, так как думала она о Шатофоре.

– Будет также господин де Сен-Леже. Через месяц он непременно должен устроить у меня вечер драматических пословиц, и вы, мой ангел, будете в нем участвовать. Два года тому назад вы во всех пословицах играли у нас главные роли.

– Ах, я так давно не участвовала в пословицах, что потеряла прежнюю уверенность! Мне придется прибегнуть к помощи суфлера.

– Жюли, дитя мое! Знаете, кого мы еще ждем! Но только, дорогая, нужно иметь хорошую память, чтобы вспомнить его имя.

Жюли сейчас же пришла на ум фамилия Дарси.

«Он меня неотступно преследует», – подумалось ей.

– Хорошую память? У меня память неплохая.

– Да, но нужно вспомнить то, что было лет шесть-семь назад. Вам не припоминается один из ваших по-

клонников, когда вы были еще подростком и носили гладкую прическу?

– Признаться, не догадываюсь.

– Какой ужас, дорогая!.. Совсем забыть очаровательного человека, который, если я не ошибаюсь, в свое время вам так нравился, что это даже тревожило вашу матушку! Ну, нечего делать, дорогая: раз вы забываете своих вздыхателей, придется вам их напомнить. Вы увидите сегодня господина Дарси.

– Дарси?

– Да. Несколько дней тому назад он наконец вернулся из Константинополя. Третьего дня он был у меня с визитом, и я его пригласила. А знаете ли вы, неблагодарное существо, с каким интересом он спрашивал о вас? Это неспроста.

– Господин Дарси? – повторила Жюли с запинкой и напускной рассеянностью. – Господин Дарси?.. Это тот высокий блондин... секретарь посольства?

– Вы его не узнаете, дорогая, так он переменялся. Теперь он бледен, или, скорее, оливкового цвета, глаза впали, волосы заметно поредели – от сильной жары, по его словам. Если будет так продолжаться, года через два-три он совсем облысеет. А между тем ему нет еще тридцати.

Дама, при которой велся этот разговор о неприятности, постигшей Дарси, усиленно стала рекомендо-

вать калидор, который очень ей помог, когда после болезни у нее начали выпадать волосы. Говоря это, она проводила пальцами по своим пышным локонам прекрасного пепельно-русого цвета.

– И все это время Дарси провел в Константинополе? – спросила г-жа де Шаверни.

– Не все, он много путешествовал. Он был в России, потом объездил всю Грецию. Вы еще не знаете, как ему повезло. У него умер дядюшка и оставил ему большое состояние. Побывал он также и в Малой Азии... в этой, как ее... в Карамании. Он прелестен, дорогая. Он рассказывает очаровательные истории – вы будете в восторге. Вчера он рассказывал мне такие интересные вещи, что я все время говорила: «Приберегите их на завтра, вы их расскажете всем дамам, вместо того чтобы тратить их на такую старуху, как я».

– А он рассказывал вам, как он спас турчанку? – спросила г-жа Дюмануар, рекомендовавшая калидор.

– Он спас турчанку? Разве он спас турчанку? Он мне об этом ни слова не говорил.

– Но ведь это замечательный поступок, настоящий роман.

– О, расскажите нам, пожалуйста!

– Нет, нет, попросите его самого. Я знаю об этой истории только от сестры, муж которой, как вам известно, был когда-то консулом в Смирне. А ей это рас-

сказывал один англичанин, очевидец происшествия. Прямо удивительно!

– Расскажите нам эту историю. Неужели вы думаете, что мы будем дожидаться обеда? Ведь это ужасно, когда говорят о какой-нибудь истории, о которой сама ничего не знаешь.

– Ну хорошо, только я расскажу ее очень плохо. Во всяком случае, я передаю то, что слышала. Дарси нахаживался в Турции, исследовал какие-то развалины на берегу моря. Вдруг он видит, что к нему направляется мрачная процессия. Черные немые рабы несли мешок, который шевелился, как будто в нем было что-то живое...

– Боже мой! – вскричала г-жа Ламбер, читавшая *Гяура*. – Эту женщину собирались бросить в море?

– Совершенно верно, – продолжала г-жа Дюмануар, раздосадованная тем, что пропал самый эффектный момент рассказа. – Дарси смотрит на мешок, слышит глухой стон и сразу же угадывает ужасную правду. Он спрашивает у немых рабов, что они собираются делать, – те вместо всякого ответа обнажают кинжалы. К счастью, Дарси был хорошо вооружен. Он обращает в бегство невольников и освобождает, наконец, из этого отвратительного мешка женщину восхитительной красоты, в полуобморочном состоянии. Он отвозит ее в город и помещает в надежный дом.

– Бедняжка! – произнесла Жюли, которую эта история уже начала интересовать.

– Вы думаете, что этим все кончилось? Ничуть не бывало. Муж ее, ревнивый, как все мужья, подстрекает толпу, она бросается к жилищу Дарси с факелами, чтобы сжечь его живьем. Я не знаю точно, что случилось потом. Знаю только, что он выдержал форменную осаду и в конце концов поместил женщину в надежное место. По-видимому, – добавила г-жа Дюмануар, сразу изменив выражение лица и гнусавя, как настоящая ханжа, – по-видимому, Дарси позаботился о том, чтобы ее обратили в истинную веру, и она крестилась.

– И Дарси на ней женился? – спросила Жюли с улыбкой.

– Этого я не могу вам сказать. Но турчанка – у нее было странное имя, она звалась Эминэ – воспылала страстью к Дарси. Сестра передавала мне, что она иначе не называла его, как «сотир»... «Сотир» по-турецки или по-гречески значит «спаситель». По словам Элали, это была одна из красивейших женщин на свете.

– Мы ему зададим за эту турчанку! – воскликнула г-жа Ламбер. – Правда, нужно его немного помучить?.. В конце концов поступок Дарси меня несколько не удивляет: он один из самых великодушных лю-

дей, каких я знаю, о некоторых его поступках я не могу вспоминать без слез. После смерти его дяди осталась незаконная дочь, которую тот не хотел признавать. Завещания сделано не было, так что она не имела никаких прав на наследство. Дарси, будучи единственным наследником, решил выделить ей часть наследства и уж, конечно, отдал ей гораздо больше, чем сделал бы это сам дядя.

– Что же, она была хорошенькая, эта незаконная дочь? – спросила г-жа де Шаверни не без злости.

Ей хотелось сказать что-нибудь дурное о Дарси, мысль о котором не давала ей покоя.

– Ах, дорогая, как вам могло прийти в голову?.. К тому же, когда дядя его умирал, Дарси был еще в Константинополе и, по всей вероятности, никогда в жизни не видел этой особы.

Тут вошли Шатофор, майор Перен и несколько других лиц, и это положило конец разговору. Шатофор сел рядом с г-жой де Шаверни и, выбрав минуту, когда все громко говорили, спросил:

– Вы, кажется, грустите, сударыня? Я был бы крайне огорчен, если бы сказанное мною вчера оказалось тому причиной.

Госпожа де Шаверни не слышала его слов или, скорее, не пожелала слышать. Шатофор был вынужден, к своему неудовольствию, повторить всю фразу,

и еще большее неудовольствие он испытал, получив суховатый ответ, а Жюли сейчас же приняла участие в общем разговоре. Затем она пересела на другое место, оставив своего несчастного поклонника.

Не теряя присутствия духа, Шатофор блистал остроумием, но понапрасну. Понравиться он хотел одной г-же де Шаверни, но она слушала его рассеянно: она думала о скором появлении Дарси, спрашивая себя, почему ее так занимает человек, которого она должна была бы уже забыть и который, вероятно, сам ее давно позабыл.

Наконец послышался стук подъезжающей кареты; дверь в гостиную отворилась.

– Вот и он! – воскликнула г-жа Ламбер.

Жюли не решилась повернуть голову, но страшно побледнела. Она внезапно испытала острое ощущение холода и должна была собрать все свои силы, чтобы взять себя в руки и не дать Шатофору заметить, как изменилось выражение ее лица.

Дарси поцеловал руку г-же Ламбер и, поговорив с нею несколько минут стоя, сел около нее. Воцарилось молчание; г-жа Ламбер, казалось, ждала терпеливо, чтобы старые знакомые узнали друг друга. Шатофор и другие мужчины, исключая славного майора Перена, рассматривали Дарси с несколько ревнивым любопытством. Приехав недавно из Константинополя, он

имел большое преимущество перед ними, и это было достаточно серьезной причиной, чтобы все приняли чопорный вид, как это делается обыкновенно в присутствии иностранцев. Дарси, не обратив ни на кого внимания, заговорил первый. О чем бы он ни говорил – о дороге или о погоде, – голос его был нежен и музыкален. Г-жа де Шаверни рискнула на него взглянуть; она увидела его в профиль. Ей показалось, что он похудел и что выражение лица у него стало другое. В общем, она нашла его интересным.

– Дорогой Дарси! – сказала г-жа Ламбер. – Посмотрите хорошенько вокруг: не найдете ли вы тут кое-кого из ваших старых знакомых?

Дарси повернул голову и заметил Жюли, до этой минуты скрывавшую свое лицо под полями шляпы. Он стремительно поднялся, вскрикнув от удивления, и направился к ней с протянутой рукой; потом вдруг остановился и, как бы раскаиваясь в излишней фамильярности, отвесил Жюли низкий поклон и высказал ей в пристойных выражениях, как рад он снова с нею встретиться. Жюли пролепетала несколько вежливых слов и густо покраснела, видя, что Дарси все стоит перед нею и пристально на нее смотрит.

Вскоре ей удалось овладеть собой, и она тоже взглянула на него тем как будто рассеянным и вместе наблюдательным взглядом, каким умеют, когда за-

хотят, смотреть светские люди. Дарси был высокий бледный молодой человек; черты лица его выражали спокойствие, но это спокойствие, казалось, говорило не столько об обычном состоянии души, сколько об умении владеть выражением своего лица. Ясно обозначившиеся морщины бороздили его лоб. Глаза ввали, углы рта были опущены, волосы на висках начали редеть. А ведь ему было не более тридцати лет. Одет Дарси был просто, но элегантно, что доказывало привычку к хорошему обществу и безразличное отношение к своему туалету, который составляет предмет мучительных раздумий для стольких молодых людей. Жюли не без удовольствия сделала все эти наблюдения. Она заметила также, что на лбу у него довольно большой, плохо скрытый под прядью волос шрам, по-видимому, от сабельного удара.

Жюли сидела рядом с г-жой Ламбер. Между нею и Шатофором стоял стул, но как только Дарси поднялся с места, Шатофор положил руку на спинку этого стула и, поставив его на одну ножку, постарался удержать в равновесии. Очевидно, он имел намерение охранять его, как собака охраняет сено. Г-жа Ламбер сжалась над Дарси, который продолжал стоять перед г-жой де Шаверни. Она подвинулась на диване и освободила место для Дарси – таким образом, тот очутился рядом с Жюли. Он поспешил воспользоваться этим

выгодным положением и сейчас же начал с нею более связный разговор.

Между тем со стороны г-жи Ламбер и некоторых других особ Дарси подвергся форменному допросу относительно своих странствий. Но он отделялся довольно лаконичными ответами и пользовался каждой свободной минутой, чтобы продолжать разговор с г-жой де Шаверни.

– Предложите руку госпоже де Шаверни, – сказала г-жа Ламбер Дарси, когда колокол возвестил время обеда.

Шатофор закусил губу. Но он нашел возможность сесть за стол довольно близко от Жюли, чтобы хорошенько наблюдать за нею.

Глава 9

Вечер был ясный и теплый. После обеда все вышли в сад пить кофе и расположились за круглым садовым столом.

Шатофор все больше раздражался, замечая внимательность Дарси по отношению к г-же де Шаверни. Видя, с каким увлечением она разговаривает с вновь прибывшим, он становился все менее любезным; его ревность приводила только к тому, что он утрачивал свою привлекательность. Он прохаживался по террасе, где находилось все общество, не мог оставаться на месте, как это бывает с людьми встревоженными, часто взглядывал на тяжелые тучи, громоздившиеся на горизонте и предвещавшие грозу, а еще чаще на своего соперника, который тихонько беседовал с Жюли. Он видел, что она то улыбалась, то делалась серьезной, то робко опускала глаза; короче говоря, он видел, что каждое слово, произносимое Дарси, производит на нее впечатление. Особенно его огорчало, что разнообразные выражения, пробежавшие по чертам Жюли, казалось, были только отпечатком, как бы отражением подвижной физиономии Дарси. Наконец ему не под силу стало выносить эту пытку – он подошел к ней и, выбрав минуту, когда Дарси давал ко-

му-то разъяснения насчет бороды султана Махмуда, наклонился над спинкой ее стула и произнес с горечью:

– По-видимому, сударыня, господин Дарси очень занятый человек.

– О да! – ответила г-жа де Шаверни с восхищением, которого она не могла скрыть.

– Это видно, – продолжал Шатофор, – раз из-за него вы забываете ваших старых друзей.

– Моих старых друзей? – строгим тоном спросила Жюли. – Я не понимаю, что вы хотите этим сказать.

И она отвернулась от него. Потом, взяв за кончик платок, который держала в руках г-жа Ламбер, произнесла:

– С каким вкусом вышит этот платок! Чудесная работа!

– Вы находите, дорогая? Это подарок господина Дарси; он привез мне целую кучу вышитых платков из Константинополя. Кстати, Дарси, это не ваша турчанка их вышивала?

– Моя турчанка? Какая турчанка?

– Ну да, красавица султанша, которую вы спасли и которая вас называла... о, нам все известно!.. которая вас называла... своим... ну, словом, своим спасителем. Вы отлично знаете, как это будет по-турецки.

Дарси хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

– Каким это образом слух о моем несчастном приключении успел достигнуть Парижа?..

– Но в этом приключении не было ничего несчастного. Несчастье могло быть только для *мамамуши*, потерявшего свою фаворитку.

– Увы, – ответил Дарси, – я вижу, что вам известна только одна половина истории. На самом деле приключение это так же несчастливо для меня, как эпизод с мельницами для Дон Кихота. Мало того что я дал повод для смеха всем *франкам*, – еще и в Париже меня преследуют насмешками за единственный подвиг странствующего рыцаря, который я совершил.

– Значит, мы ничего не знаем. Расскажите! – воскликнули все дамы одновременно.

– Мне не следовало бы рассказывать, что произошло после известных вам событий, – сказал Дарси, – ибо вспоминать о конце этой истории не доставляет мне никакого удовольствия. Но один из моих друзей (я попрошу позволения представить его вам, госпожа Ламбер, – это сэр Джон Тиррел), один из моих друзей, тоже участник этой трагической пьесы, скоро прибудет в Париж. Возможно, что он не откажет себе в ехидном удовольствии приписать мне еще более смешную роль, чем та, какую я разыграл в действительности. Вот как было дело. Эта несчастная женщина, поселившись во французском консульстве...

– Нет, нет, расскажите все с самого начала! – воскликнула г-жа Ламбер.

– Начало вы уже знаете.

– Ничего мы не знаем, мы хотим, чтобы вы рассказали нам всю историю с начала до конца.

– Хорошо. Да будет вам известно, сударыня, что в 18... году я находился в Ларнаке. Как-то раз я отправился за город рисовать. Со мною был молодой англичанин по имени Джон Тиррел – очень милый, добродушный, любящий пожить в свое удовольствие, – такие люди незаменимы в путешествии: они заботятся об обеде, помнят о припасах и всегда бывают в хорошем расположении духа. К тому же он путешествовал без определенной цели и не занимался ни геологией, ни ботаникой – науками, довольно несносными для спутника.

Я сел в тени лачуги, шагах в двухстах от моря, над которым в этом месте высятся отвесные скалы. Я старательно зарисовал все, что осталось от античного саркофага, а сэр Джон, разлегшись на траве, издевался над моей несчастной страстью к искусству, покуривая восхитительный латакийский табак. Неподалеку от нас турецкий переводчик, которого мы взяли к себе на службу, готовил нам кофе. Из всех известных мне турок он лучше всех умел варить кофе и был самым отъявленным трусом.

Вдруг сэр Джон радостно воскликнул: «Вон какие-то люди везут с горы снег! Сейчас мы его у них купим и устроим себе шербет из апельсинов».

Я поднял глаза и увидел, что к нам приближается осел с перекинутым через его спину огромным тюком; двое невольников поддерживали этот тюк с обеих сторон. Впереди осла шел погонщик, а замыкал шествие почтенный седобородый турок, ехавший верхом на довольно хорошей лошади. Вся эта процессия подвигалась медленно, с большой важностью.

Наш турок, не переставая раздувать огонь, бросил искоса взгляд на поклажу и сказал нам со странной улыбкой: «Это не снег». Затем он с присущей ему флегматичностью продолжал заниматься нашим кофе.

«Что же это такое? – спросил Тиррел. – Что-нибудь съедобное?»

«Для рыб», – ответил турок.

В эту минуту всадник пустил лошадь в галоп; направляясь к морю, он проехал мимо нас, не преминув бросить на нас презрительный взгляд, каким обычно мусульмане глядят на христиан. Доскакав до отвесных скал, о которых я упомянул, он внезапно остановился у самого обрывистого места. Он принялся смотреть на море, словно выбирая место, откуда бы броситься.

Тогда сэръ Джон и я стали внимательно присматриваться к мешку, навьюченному на осла, и были поражены его необычайной формой. Нам тотчас же припомнились всевозможные истории о женах, утопленных ревнивыми мужьями. Мы обменялись своими соображениями.

«Спроси у этих негодяев, – сказал сэръ Джон нашему турку, – не женщину ли они везут».

Турок от ужаса раскрыл глаза, но не рот. Было очевидно, что вопрос наш он считал совершенно неприличным.

В эту минуту мешок поравнялся с нами; мы явно увидели, что в нем что-то шевелится, и даже слышали что-то вроде стонов или ворчанья, доносившихся из него.

Хотя Тиррел и любил поесть, он был не чужд рыцарских чувств. Он вскочил, как бешеный, подбежал к погонщику и спросил у него по-английски (так он забылся от гнева), что он везет и что намерен делать со своей поклажей. Погонщик и не подумал отвечать, но в мешке что-то забарахталось и раздались женские крики. Тогда два невольника принялись бить по мешку ремнями, которыми они погоняли осла. Тиррел окончательно вышел из себя. Сильным ударом кулака он по всем правилам искусства сбил погонщика с ног и схватил одного из невольников за горло; в этой пота-

совке мешок сильно толкнули, и он грузно упал на траву.

Я бросился к месту происшествия. Другой невольник принялся собирать камни; погонщик подымался. Я терпеть не могу вмешиваться в чужие дела, но нельзя было не прийти на помощь моему спутнику. Схватив кол, на котором во время рисования был укреплен мой зонтик, я стал им размахивать, угрожая невольникам и погонщику с самым воинственным видом, какой только мог принять. Все шло хорошо, как вдруг этот проклятый конный турок, перестав созерцать море, обернулся на шум, который мы производили, помчался, как стрела, и напал на нас, прежде чем мы к этому приготовились; в руках у него было нечто вроде гнутого тесака.

– Ятаган? – перебил рассказчика Шатофор, любивший местный колорит.

– Ятаган, – продолжал Дарси, одобрительно улыбувшись. – Он проскакал мимо меня и хватил меня этим ятаганом по голове так, что у меня из глаз посыпались искры. Тем не менее я не остался в долгу и огрел его колом по пояснице, а затем стал орудовать тем же колом, что было силы колотя по погонщику, невольникам, лошади и турку, взбешенный не хуже друга моего, сэра Джона Тиррела. Дело, несомненно, кончилось бы для нас плохо. Переводчик наш сохра-

нял нейтралитет, а мы не могли долгое время защищаться одной палкой против трех пеших, одного конного и одного ятагана. К счастью, сэр Джон вспомнил о двух имевшихся у нас пистолетах. Он вытащил их, бросил один мне, другой взял себе и сейчас же направил его на всадника, так нам досаждавшего. Вид этого оружия и легкое щелканье курка произвели магическое действие на наших противников. Они позорно бежали, оставя нам и поле битвы, и мешок, и даже осла. Несмотря на то что мы были очень раздражены, мы не стреляли, и хорошо сделали, так как нельзя безнаказанно убить доброго мусульманина, даже поколотить его, и то стоит недешево.

Как только я отер кровь, мы первым делом, как вы можете себе представить, подошли к мешку и развязали его. Мы нашли в нем довольно хорошенькую женщину, полненькую, с прекрасными черными волосами, в одной рубашке из синей шерстянки, немного менее прозрачной, чем шарф госпожи де Шаверни.

Она проворно выскочила из мешка и без особого смущения обратилась к нам с речью, несомненно, очень патетической, из которой, однако, мы не поняли ни слова; в заключение она поцеловала мне руку. Это единственный раз, сударыни, я удостоился такой чести от дамы.

Меж тем хладнокровие к нам вернулось. Мы увиде-

ли, что переводчик наш в отчаянии терзает свою бороду. Я, как мог, перевязал себе голову носовым платком, Тиррел говорил: «Что же нам делать с этой женщиной? Если мы здесь останемся, муж явится с подкреплением и укокошит нас, а если мы возвратимся в таком виде с нею в Ларнак, чернь забросает нас камнями».

Все эти соображения ставили Тиррела в тупик, и он воскликнул, вновь обретя свою британскую флегматичность: «И какого черта отправились вы сегодня рисовать!»

Восклицание это заставило меня рассмеяться; женщина, ничего не понимая, тоже стала смеяться.

Однако нужно было на что-нибудь решиться. Я подумал, что лучшее, что мы могли сделать, — это отдать себя под покровительство французского вице-консула, но труднее всего было вернуться в Ларнак. Начало темнеть, и обстоятельство это было для нас благоприятно. Наш турок повел нас далеко в обход, и благодаря сумеркам и вышеуказанной предосторожности мы беспрепятственно достигли консульского дома, находившегося за чертой города. Я забыл сказать вам, что при помощи мешка и чалмы нашего переводчика мы соорудили для женщины почти благопристойный костюм.

Консул принял нас очень плохо, сказал, что мы со-

шли с ума, что следует уважать нравы и обычаи страны, по которой путешествуешь, и не соваться не в свое дело. Одним словом, он нас разбил на все корки и имел на то основание, так как из-за нашего проступка могло вспыхнуть большое восстание и все франки, находившиеся на острове Кипр, могли быть перерезаны.

Жена его оказалась более человечной; она начиталась романов и находила наше поведение необыкновенно великодушным. И правда, мы вели себя, как герои романа. Эта превосходнейшая дама была очень благочестива: она решила, что ей не будет стоить большого труда обратить басурманку, которую мы к ней доставили, что об обращении этом будет упомянуто в «*Монитере*» и муж ее получит место генерального консула. Весь этот план возник у нее мгновенно. Она поцеловала турчанку, дала ей свое платье, пристыдила вице-консула за его жестокосердие и послала его к паше улаживать дело.

Паша был в сильном гневе. Ревнивый муж, который был человеком видным, метал громы и молнии. Он находил возмутительным, что христианские собаки помешали такому человеку, как он, бросить свою невольницу в море. Вице-консул находился в большом затруднении; он много говорил о короле, своем повелителе, и еще больше о некоем фрегате с ше-

стьюдесятью пушками, только что прибывшем в ларнакские воды. Но доводом, произведшим наибольшее впечатление, было предложение, сделанное им от нашего имени, – заплатить за невольницу сполна.

Увы, если б вы только знали, что у турок значит *сполна*! Нужно было заплатить мужу, паше, погонщику, которому Тиррел выбил два зуба, заплатить за скандал, заплатить за все. Сколько раз Тиррел горестно восклицал: «И какого черта отправились вы рисовать на берег моря!»

– Вот так приключение! Бедняжка Дарси! – воскликнула г-жа Ламбер. – Там-то вы и получили этот ужасный шрам? Пожалуйста, приподымите волосы. Удивительно, как еще турок не раскрыл вам голову!

Во время этого рассказа Жюли не отводила глаз от лба рассказчика. Наконец она робко спросила:

– А что случилось с женщиной?

– Эту часть истории я как раз меньше всего люблю рассказывать. Продолжение было для меня столь печальным, что до сих пор все еще смеются над нашим рыцарским подвигом.

– Эта женщина была хороша собой? – спросила, немного покраснев, г-жа де Шаверни.

– Как ее звали? – спросила г-жа Ламбер.

– Ее звали Эминэ. Хороша собой?.. Да, пожалуй, но слишком толста и, по обычаю страны, вся выма-

зана румянами и белилами. Чтобы оценить прелесть турецких красавиц, нужно к ним привыкнуть. Итак, Эминэ водворилась в доме вице-консула. Она была родом из Мингрелии и сообщила госпоже С., жене консула, что она дочь князя. В ее стране всякий негодяй, у которого под началом находится десяток других негодяев, называется князем. Обращались с ней как с княжной; обедала она со всеми, ела за четверых, а когда с ней начинали беседовать о религии, она неукоснительно засыпала. Так продолжалось некоторое время. Наконец был назначен день крещения. Госпожа С. вызвалась быть крестной матерью и пожелала, чтобы я был крестным отцом. Конфеты, подарки, словом, все, что полагается... Несчастной этой Эминэ на роду было написано разорить меня. Госпожа С. уверяла, что Эминэ любит меня больше, чем Тиррела, потому что, подавая кофе, она всегда проливали его мне на платье. Я приготовился к церемонии с чисто евангельским смиренномудрием, как вдруг накануне назначенного дня прекрасная Эминэ исчезла. Расскажу вам все начистоту. У консула был повар мингрелец, конечно, отъявленный негодяй, но он удивительно умел готовить пилав. Мингрелец этот понравился Эминэ, которая, несомненно, была в своем роде патриоткой. Похитив ее, он прихватил довольно большую сумму денег у С. Найти его не уда-

лось. Итак, вице-консул поплатился своими деньгами, госпожа С. – нарядами, которые она подарила Эминэ, а я – расходами на перчатки и конфеты, не считая полученных ударов. Хуже всего то, что на меня взвалили ответственность за это приключение. Уверяли, что именно я освободил эту дрянную женщину, которую я теперь охотно бросил бы на дно моря и которая навлекла на моих друзей столько неприятностей. Тиррел сумел выпутаться из истории: его сочли за жертву, между тем как он-то и был единственным виновником всей кутерьмы, а я остался с репутацией Дон Кихота и с этим шрамом, который очень вредит моим успехам.

Рассказ был окончен, и все перешли в гостиную. Дарси поговорил некоторое время с г-жой де Шаверни, но потом вынужден был ее покинуть, так как ему хотели представить некоего весьма сведущего в политической экономии молодого человека, который собирался по окончании учения стать депутатом и желал получить статистические сведения об Оттоманской империи.

Глава 10

С той минуты, как Дарси отошел от Жюли, она все время посматривала на часы. Она рассеянно слушала, что говорил Шатофор, и невольно искала глазами Дарси, разговаривавшего на другом конце гостиной. Иногда, не прерывая своей беседы с любителем статистики, он взглядывал на нее, и ей трудно было выдерживать его спокойный, но пронизательный взгляд. Она чувствовала, что он уже приобрел какую-то необыкновенную власть над нею, и не в силах была противиться этому.

Наконец она велела подать экипаж, и, отдавая приказание, то ли будучи слишком занята своими мыслями, то ли преднамеренно, посмотрела на Дарси так, словно хотела сказать ему: «Вы потеряли полчаса, которые мы могли бы провести вместе». Карета была подана. Дарси продолжал разговаривать, но, казалось, был утомлен бесконечными вопросами не отпускаявшего его собеседника. Жюли медленно поднялась, пожала руку г-же Ламбер, затем направилась к выходу, удивленная, почти раздосадованная тем, что Дарси не двинулся с места. Шатофор находился около нее; он предложил ей руку, она машинально оперлась на нее, не слушая его, почти не замечая его при-

сутствия.

Госпожа Ламбер и несколько человек гостей проводили ее через вестибюль до кареты. Дарси остался в гостиной. Когда она уже села в экипаж, Шатофор с улыбкой спросил ее, не страшно ли ей будет ехать ночью совсем одной, и прибавил, что, как только майор Перен кончит свою партию на бильярде, он, Шатофор, догонит ее в своем тильбюри и поедет вслед за нею. Звук его голоса вывел Жюли из задумчивости, но она ничего не поняла. Она сделала то же, что сделала бы всякая другая женщина на ее месте: она улыбнулась. Потом она кивнула на прощание собравшимся на крыльце, и лошади помчались.

Но как раз в ту минуту, когда карета тронулась, она увидела, что Дарси вышел из гостиной. Он был бледен, лицо его было печально, а глаза, устремленные на нее, словно ждали только к нему обращенного знака приветствия. Она уехала, унося с собою сожаление, что не кивнула еще раз ему одному, и даже подумала, что это его заденет. Она уже позабыла, что он предоставил другому заботу проводить ее до кареты; теперь она во всем винила себя, она рассматривала свои промахи как тяжкое преступление. Чувства, которые она несколько лет тому назад (после вечера, когда она так фальшиво пела) испытывала к Дарси, были менее живы, чем те, которые она теперь увози-

ла с собою. Годы обострили ее впечатлительность, в сердце у нее накопилась злоба на мужа. Может быть, даже увлечение Шатофором (впрочем, в данную минуту совершенно позабытое) приготовило ее к тому, чтобы без особых угрызений совести отдаться более сильному чувству, которое вызвал у нее Дарси.

А у Дарси мысли были менее тревожные. Он с удовольствием встретил женщину, с которой у него были связаны счастливые воспоминания; знакомство с нею будет, по всей вероятности, очень приятно, и он будет его поддерживать в течение зимы, которую он собирался провести в Париже. Но как только она уехала, у него осталось лишь воспоминание о нескольких весело проведенных часах, воспоминание, сладость которого к тому же ослаблялась перспективой поздно лечь спать и необходимостью проехать четыре мили, чтобы добраться до постели. Предоставим его, охваченного такими прозаическими мыслями, собственной участи. Пусть он старательно кутается в свой плащ, устраивается поудобнее в углу наемной кареты, пусть мысли его переходят от салона г-жи Ламбер к Константинополю, от Константинополя к Корфу, от Корфа к полудремоте.

Любезный читатель! Если вы ничего не имеете против, последуем за г-жой де Шаверни.

Глава 11

Когда г-жа де Шаверни покинула замок г-жи Ламбер, ночь была ужасно темная, воздух тяжелый и удушливый, время от времени молнии озаряли окрестность, и черные силуэты деревьев вырисовывались на желто-буром фоне. После каждой вспышки молнии темнота усиливалась, и кучер не видел лошадиных голов. Вскоре разразилась бешеная гроза.

Дождь, который падал сначала редкими крупными каплями, внезапно превратился в страшнейший ливень. Небо запылало со всех сторон, гром небесной артиллерии становился оглушительным. Лошади в испуге громко фыркали и поднимались на дыбы, вместо того чтобы идти вперед. Но кучер превосходно пообедал; его толстый каррик, а еще больше хорошая выпивка изгнали из него всякий страх перед непогодой и плохой дорогой. Он хлестал бедных животных, в неустрашимости не уступая Цезарю, когда тот в бурю говорил своему кормчему: «Ты везешь Цезаря и его счастье».

Госпожа де Шаверни грома не боялась, и гроза почти не занимала ее. Она вспоминала все, что говорил ей Дарси, и раскаивалась, что не высказала ему того, что могла бы сказать, как вдруг размышления ее бы-

ли прерваны сильным толчком, от которого качнулась карета. В то же мгновение стекла разлетелись вдребезги, раздался зловещий треск, и карета опрокинулась в канаву. Жюли отделалась испугом. Но дождь не переставал, колесо было сломано, фонари потухли, а вокруг не было видно никакого жилья, где бы можно было найти убежище. Кучер чертыхался, лакей ругал кучера, проклиная его за неловкость. Жюли, оставаясь в карете, спрашивала, нельзя ли вернуться в П. и вообще что теперь им делать. Но на все вопросы она получала один безнадежный ответ:

– Никак невозможно.

Между тем издали донесся глухой шум приближающегося экипажа. Вскоре кучер г-жи де Шаверни, к большому своему удовольствию, узнал одного из своих приятелей, с которым он только что заложил фундамент нежной дружбы в людской г-жи Ламбер. Он крикнул, чтобы тот придержал лошадей.

Экипаж остановился. Едва было произнесено имя г-жи де Шаверни, как какой-то молодой человек сам открыл дверцы кареты и, воскликнув: «Она не разбилась?» – одним прыжком очутился у кареты Жюли. Она узнала Дарси, она его ожидала.

Руки их в темноте встретились, и Дарси почудилось, что г-жа де Шаверни пожала ему руку, но, вероятно, это было от страха. После первых вопросов

Дарси, разумеется, предложил свой экипаж. Жюли не ответила: она не знала, какое решение принять. С одной стороны, если ехать в Париж, то ей предстоит сделать три или четыре мили вдвоем с молодым человеком, и это ее смущало; с другой стороны, если возвращаться в замок и просить гостеприимства у г-жи Ламбер, придется рассказать романтическое приключение с опрокинутой каретой и Дарси, явившимся ей на помощь; при мысли об этом ее бросало в дрожь. Снова появиться в гостиной в разгар виста в качестве спасенной Дарси, как та турчанка, и подвергнуться после этого оскорбительным расспросам или выслушивать выражения соболезнования – нет, об этом нечего было и думать. Но три длинные мили до Парижа!.. Покуда она колебалась, не зная, на что решиться, и бормотала неловко банальные фразы о беспокойстве, которое она причинит, Дарси будто прочел ее мысли и сказал холодно:

– Возьмите мой экипаж, сударыня. Я останусь при вашей карете и подожду, пока меня подвезут до Парижа.

Жюли из боязни показаться чрезмерно щепетильной поспешила принять не второе, а первое предложение. И так как решение ее было слишком внезапным, то не осталось времени обсудить важный вопрос, куда же они поедут: в П. или в Париж. Она уже

сидела в карете Дарси, закутанная в его плащ, который он сейчас же ей предложил, и лошади легкой рысцей неслись к Парижу, прежде чем ей пришлось в голову сказать, куда она хочет ехать. Решил за нее ее слуга, давший кучеру городской адрес своей госпожи.

В начале разговора оба стеснялись. Дарси говорил отрывисто, словно он был немного раздражен. Жюли вообразила, что его обидело ее колебание и что он принимает ее за смешную недотрогу. Она уже до такой степени была под властью этого человека, что внутренне себя упрекала и думала только о том, как бы рассеять его, видимо, дурное настроение, в котором она винила себя. Платье Дарси вымокло; она заметила это, сейчас же сняла плащ и потребовала, чтобы он им накрылся. Возникла борьба великодушия, в результате чего вопрос был решен так, чтобы на каждого пришлось по половине плаща. Это было ужасно неблагоприятно, и она никогда бы на это не пошла, не будь минуты колебания, о которой ей теперь хотелось забыть.

Они были так близко один от другого, что щека Жюли могла чувствовать жаркое дыхание Дарси. Толчки экипажа порою сближали их еще больше.

– Этот плащ, которым мы оба накрываемся, – сказал Дарси, – напоминает мне наши давнишние шарарды. Помните, как вы изображали мою Виргинию и мы

оба закутались в пелерину вашей бабушки?

– Да. А еще я помню нагоняй, который я от нее за это получила.

– Счастливое было время! – воскликнул Дарси. – Сколько раз я с грустью и блаженством думал о божественных вечерах на улице Бельшас! Помните, какие великолепные крылья коршуна привязали вам к плечам розовыми ленточками и клюв из золотой бумаги, который я для вас так искусно смастерил?

– Да, – ответила Жюли, – вы были Прометеем, а я – коршуном. Но какая хорошая у вас память! Как вы не забыли всего этого вздора? Ведь мы так давно не видались!

– Вы хотите, чтобы я сказал вам комплимент? – спросил Дарси, улыбаясь, и нагнулся, чтобы посмотреть ей в лицо. Потом продолжал более серьезным тоном: – По правде сказать, нет ничего необыкновенного в том, что я сохранил в памяти счастливейшие часы моей жизни.

– У вас был талант к шарадам! – прервала его Жюли, боясь, что разговор примет слишком чувствительный характер.

– Хотите, я дам вам еще одно доказательство, что память у меня неплохая? Помните о союзе, который мы с вами заключили у госпожи Ламбер? Мы обещали друг другу злословить обо всех на свете и поддержи-

вать один другого против всех и вся... Но договор наш разделил общую судьбу всех договоров: он остался невыполненным.

– Как знать!

– Увы, не думаю, чтобы вам часто представлялся случай защищать меня. Раз я уехал из Парижа, какой праздный человек мог мною заниматься?..

– Защищать вас – нет... Но говорить о вас с вашими друзьями...

– О, мои друзья! – воскликнул Дарси с печальной усмешкой. – У меня их почти что не было, по крайней мере в ту пору, когда мы были с вами знакомы. Молодые люди, посещавшие вашу матушку, меня почему-то ненавидели, что же касается женщин, то они не много думали о каком-то атташе министерства иностранных дел.

– Потому что вы не обращали на них внимания.

– Это верно. Я никогда не умел любезничать с особами, которых не любил.

Если бы в темноте можно было различить черты Жюли, Дарси увидел бы, как краска разлилась по ее лицу при последней его фразе, которой она придала смысл, о каком Дарси, быть может, и не помышлял.

Как бы там ни было, оставляя в стороне воспоминания, слишком живые у обоих, Жюли хотела навести его на разговор о путешествиях, надеясь, что таким

образом ей не нужно будет говорить. Прием этот почти всегда удается с путешественниками, особенно с теми, что побывали в дальних странах.

– Какое прекрасное путешествие вы совершили! – проговорила она. – Как я жалею, что мне никогда не удастся совершить такое путешествие!

Но сейчас Дарси не очень хотелось рассказывать.

– Кто этот молодой человек с усами, который разговаривал с вами перед самым вашим отъездом? – неожиданно спросил он.

На этот раз Жюли покраснела еще сильнее.

– Друг моего мужа, его сослуживец по полку, – ответила она. – Говорят, – продолжала она, не желая отказываться от восточной темы, – говорят, что люди, раз видевшие лазурный небосвод Востока, не могут жить в других местах.

– Он мне ужасно не понравился, не знаю почему... Я говорю о друге вашего мужа, а не о лазурном небосводе. Что касается этого лазурного неба, сударыня, – да сохранит вас бог от него! Оно всегда одинаково и в конце концов так вам надоедает, что вы готовы восхищаться грязным парижским туманом как прекраснейшим зрелищем на свете. Поверьте, ничто так не раздражает нервы, как это лазурное, безоблачное небо, которое было синим вчера и завтра тоже будет синим. Если бы вы знали, с каким нетерпением, с каким каж-

дый раз повторяющимся разочарованием ждут облачка, надеются на него!

– А между тем вы довольно долго оставались под этим лазурным небом.

– Но мне было трудно поступить иначе. Если бы я мог следовать только своим склонностям, я бы очень скоро очутился по соседству с улицей Бельшас, удовлетворив легкое любопытство, которое, весьма естественно, возбуждают странные особенности Востока.

– Наверно, многие путешественники рассуждали бы так же, если бы они были так же откровенны, как вы... А как проводят время в Константинополе и других восточных городах?

– Там, как и везде, существуют различные способы убивать время. Англичане пьют, французы играют, немцы курят, а некоторые остроумные люди, чтобы разнообразить свои удовольствия, делают себя мишенью для ружейных выстрелов, забираясь на крыши, чтобы смотреть в бинокль на местных женщин.

– Вероятно, последнее развлечение предпочитали и вы?

– Нисколько. Я изучал турецкий и греческий языки, что вызывало всеобщие насмешки. Покончив с посольскими депешами, я рисовал, скакал в Долину пресной воды, а затем отправлялся на берег моря и смотрел, не приедет ли какая-нибудь живая душа из

Франции или откуда-нибудь еще.

– Должно быть, вам доставляло большое удовольствие встречаться с французами на таком большом расстоянии от Франции?

– Да. Но наряду с немногими интеллигентными людьми сколько к нам приезжало торговцев скобяным товаром и кашемиром или, еще хуже, молодых поэтов! Завидев издали кого-нибудь из посольства, они уже кричали: «Сведите меня к развалинам, к Святой Софии, в горы, к лазурному морю! Покажите мне места, где вздыхала Геро!» Затем, получив хороший солнечный удар, они запирались в своей комнате и не хотели уже ничего видеть, кроме последних номеров «*Конститусьонеля*».

– Вы по старой вашей привычке все видите в дурном свете. Знаете, вы неисправимы, все такой же насмешник!

– Но разве не позволительно осужденному грешнику, которого поджаривают на сковородке, развлечь себя немного за счет своих товарищей по несчастью? Честное слово, вы не представляете себе, какую жалкую жизнь мы там влачим. Секретари посольства похожи на ласточек, которые никогда не садятся... Для нас не существует близких отношений, составляющих счастье жизни... как мне кажется (последние слова он произнес как-то странно и пододвинулся к Жюли). В

течение шести лет я не встретил ни одного человека, с кем мог бы поделиться своими мыслями.

– Значит, друзей у вас там не было?

– Я только что сказал вам, что их невозможно иметь в чужой стране. Во Франции я оставил двоих. Один из них умер, другой теперь в Америке и вернется оттуда только через несколько лет, если его не задержит желтая лихорадка.

– Так что вы одиноки?

– Одинок.

– А каково на Востоке... женское общество? Оно не могло хоть немного облегчить ваше положение?

– О, женщины там хуже всего остального! О турчанках нечего и думать; что же касается гречанок или армянок, то самое большее, что можно сказать в их похвалу, – это то, что они очень красивы. Избавьте меня от описания консульских и посольских жен. Это вопрос дипломатический, и, скажи я то, что думаю, это могло бы мне повредить в министерстве иностранных дел.

– Вы, по-видимому, не очень любите вашу службу. А когда-то вы так страстно хотели стать дипломатом!

– Я тогда еще не знал этого дела. Теперь я хотел бы быть в Париже инспектором парижской грязи.

– Господи, как можно так говорить? Париж – самое несносное место в мире!

– Не кощунствуйте. Хотел бы я послушать, как вы стали бы проклинать Неаполь, пробыв два года в Италии!

– Видеть Неаполь – заветная мечта моей жизни, – ответила она со вздохом, – только чтобы мои друзья были вместе со мною.

– Ах, при этом условии и я бы пустился в кругосветное плавание! Путешествовать с друзьями! Это все равно что оставаться у себя в гостиной, между тем как все страны проплывают мимо ваших окон, словно движущаяся панорама.

– Ну, хорошо, если это требование чрезмерно, я хотела бы путешествовать всего с одним... с двумя друзьями.

– Я не так требователен. Мне довольно было бы одного или одной, – прибавил он со вздохом. – Но такого счастья мне не выпало на долю... По правде сказать, мне всегда не везло. Всю свою жизнь я горячо желал только двух вещей и ни одной из них не мог достигнуть.

– Каких же?

– Да самых обыкновенных! Например, я страстно желал кое с кем танцевать вальс. Я тщательно изучал этот танец. Месяцами упражнялся один со стулом, чтобы преодолеть головокружение, которое неминуемо наступало. Когда же наконец я добился того, что

голова у меня перестала кружиться...

– А с кем вы хотели танцевать?

– Ну, а если я вам скажу, что с вами?.. Когда же я ценой усилий сделался образцовым танцором, ваша бабушка переменяла духовника, взяла старого янсениста и запретила вальс... У меня до сих пор еще это лежит на сердце.

– А второе ваше желание? – спросила Жюли в сильном волнении.

– Признаюсь вам и во втором моем желании. Я хотел (это было очень тщеславно с моей стороны), хотел, чтобы меня любили... Но как любили!.. Желание это было еще более сильным, и оно предшествовало желанию вальсировать с вами – я рассказываю не в хронологическом порядке... Я бы хотел, повторяю, чтобы меня любила такая женщина, которая предпочла бы меня балу – самому опасному из соперников; такая женщина, к которой я мог бы прийти в сапогах, забрызганных грязью, в ту минуту, когда она собирается сесть в карету и ехать на бал. Она в бальном платье и говорит мне: «Останемся дома». Но это, конечно, бред! Не следует требовать невозможного.

– Какой вы злой! Всегда иронические изречения! Вы ко всем беспощадны и всегда говорите дурно о женщинах.

– Я? Боже упаси! Я скорее издеваюсь над самим

собою. Разве это значит дурно говорить о женщинах, когда утверждаешь, что приятный вечер в обществе они предпочтут свиданию со мной наедине?

– Бал!.. Платье!.. Боже! Кто теперь увлекается балами?..

Она не думала защищать весь свой пол; ей казалось, что она отвечает на мысли Дарси, но бедняжка отвечала только собственному своему сердцу.

– Кстати, о балах и туалетах. Жалко, что теперь не карнавал: я привез с собой греческий женский костюм, очаровательный! Он бы чудно к вам подошел.

– Вы сделаете мне с него набросок в альбом.

– Охотно. Вы увидите, какие успехи я сделал с той поры, как рисовал человечков за чайным столом вашей матушки. Кстати, вас нужно поздравить. Сегодня утром в министерстве мне сказали, что господина де Шаверни скоро сделают камер-юнкером. Мне было приятно это слышать.

Жюли невольно вздрогнула.

Дарси, ничего не замечая, продолжал:

– Позвольте мне сразу же попросить вашего покровительства. Но в глубине души я не очень рад новому званию вашего мужа. Боюсь, что на лето вам придется переезжать в Сен-Клу, и тогда я реже буду иметь честь вас видеть.

– Ни за что я не поеду в Сен-Клу! – сказала Жюли

взволнованно.

– Тем лучше. Ведь Париж – это рай. Покидать его можно лишь для того, чтобы изредка выезжать за город на обеды к госпоже Ламбер, и то с условием в тот же вечер вернуться домой. Как вы счастливы, что живете в Париже! Вы не можете себе представить, как счастлив я, приехавший сюда, быть может, очень ненадолго, в скромном помещении, которое предоставила мне тетушка. А вы, как мне сообщили, живете в предместье Сент-Оноре. Мне показали ваш особняк. У вас, должно быть, очаровательный сад, если строительная лихорадка еще не превратила ваши аллеи в торговые помещения.

– Нет, слава богу, моего сада еще не трогали.

– По каким дням вы принимаете?

– Я почти всегда по вечерам дома. Я буду очень рада, если вы меня будете иногда навещать.

– Видите, я веду себя так, как будто старый наш союз еще в силе. Я сам к вам навязываюсь без церемоний и официальных визитов. Вы простите меня, не так ли? В Париже я только и знаю, что вас да госпожу Ламбер. Все меня забыли, но в моем изгнании я с сожалением вспоминал только о ваших двух домах. Особенно ваш салон должен быть очаровательным. Вы так хорошо выбираете друзей!.. Помните, вы строили планы на будущее, когда сделаетесь хозяйкой дома?

Скучным людям доступ в ваш салон был бы закрыт, иногда музыка, всегда приятная беседа, продолжающаяся до позднего часа, маленький кружок лиц, которые отлично знают друг друга и потому не хотят ни лгать, ни рисоваться... Кроме того, две-три остроумные женщины (а ваши подруги, конечно, остроумны) – таков ваш дом, один из самых приятных в Париже. Да, вы счастливейшая женщина в Париже и делаете счастливыми всех, кто к вам приближается.

Пока Дарси это говорил, Жюли думала, что у нее могло бы быть это счастье, которое он так живо описывал, будь она замужем за другим человеком... скажем, за Дарси. Вместо воображаемого салона, такого элегантного и приятного, ей представились скучные люди, которых навел к ней в дом Шаверни, вместо веселых разговоров – супружеские сцены вроде той, что заставила ее поехать в П. Словом, она считала себя навеки несчастной, связанной на всю жизнь с человеком, которого она ненавидела и презирала. А тот, кто казался ей лучше всех, кому она охотно доверила бы свое счастье и свою жизнь, навсегда останется для нее чужим. Ее долг – избегать его, отдаляться от него... А он был так близко от нее, что рукав ее платья касался отворота его фрака!

Дарси некоторое время продолжал описывать удовольствия парижской жизни с красноречием челове-

ка, который был долгое время лишен их. Меж тем Жюли чувствовала, как по ее щекам текут слезы. Она боялась, как бы Дарси этого не заметил, и от усилий, которые она делала, чтобы сдержать себя, волнение ее еще усиливалось. Она задыхалась, не смела пошевелиться. Наконец она всхлипнула, и все было потеряно. Она уронила голову на руки, задыхаясь от слез и стыда.

Дарси, никак этого не ожидавший, был крайне удивлен. На минуту он онемел от неожиданности, но рыдания усиливались, и он счел своим долгом заговорить и спросить о причине столь внезапных слез.

– Что с вами? Ради бога, ответьте!.. Что случилось?

И так как бедная Жюли в ответ на все эти вопросы только крепче прижимала платок к глазам, он взял ее за руку и мягким движением отвел ее.

– Умоляю вас, – произнес он дрогнувшим голосом, проникшим в самое сердце Жюли, – умоляю вас, скажите, что с вами? Может быть, я невольно оскорбил вас?.. Вы приводите меня в отчаяние своим молчанием.

– Ах, – воскликнула Жюли, не будучи более в состоянии сдерживаться, – как я несчастна! – И она зарыдала еще сильнее.

– Несчастны?.. Как?.. Почему?.. Кто может сделать вас несчастной? Ответьте мне!

При этих словах он сжимал ей руки, лицо его почти касалось лица Жюли, а та вместо ответа продолжала плакать. Дарси не знал, что и подумать, но был расстроган ее слезами. Он как будто помолодел на шесть лет, и ему начало представляться, что в будущем, о котором он пока еще не задумывался, он может перейти от роли наперсника к другой, более завидной.

Она упорно не отвечала. И Дарси начал бояться, уж не сделалось ли ей дурно. Он открыл окно кареты, развязал ленты шляпки Жюли, отбросил плащ и шаль. Мужчины бывают неловки, когда оказывают подобные услуги. Он захотел остановить экипаж у какой-то деревни и крикнул уже кучеру, но Жюли, схватив его за руку, попросила не делать этого, уверяя, что ей гораздо лучше. Кучер ничего не слышал и продолжал гнать лошадей по направлению к Парижу.

– Умоляю вас, дорогая госпожа де Шаверни, – произнес Дарси, снова беря ее за руку, которую он на минуту выпустил, – умоляю вас, скажите, что с вами! Я боюсь... хотя не могу понять, как это могло случиться... что я имел несчастье причинить вам боль.

– Ах, это не вы! – воскликнула Жюли и слегка пожала ему руку.

– Ну так скажите, кто мог заставить вас так плакать? Скажите мне откровенно! Разве мы с вами не старые друзья? – прибавил он, улыбаясь, и, в свою очередь,

пожимая руки Жюли.

– Вы говорили о счастье, которым, по вашему мнению, я окружена... а счастье это так от меня далеко!..

– Как? Разве вы не обладаете всем необходимым для счастья? Вы молоды, богаты, красивы... Ваш муж занимает видное положение в обществе...

– Я ненавижу его! – вскричала Жюли вне себя. – Я презираю его!

И она положила голову на плечо Дарси, зарыдав еще сильнее.

«Ого, – подумал Дарси, – дело становится серьезным!»

Искусно пользуясь каждым толчком кареты, он еще ближе придвинулся к несчастной Жюли.

– Зачем, – произнес он самым нежным и сладким голосом, – зачем так огорчаться? Неужели существо, презираемое вами, может оказывать такое влияние на вашу жизнь? Почему вы допускаете, чтобы он один отравлял все ваше счастье? И у него ли должны вы искать это счастье?..

Дарси поцеловал ей кончики пальцев, но так как она сейчас же в ужасе отдернула свою руку, он испугался, не слишком ли далеко зашел. Однако, решив довести приключение до конца, он сказал, довольно лицемерно вздыхая:

– Как я ошибся! Когда я узнал о вашей свадьбе, я

подумал, что господин де Шаверни вам в самом деле нравится.

– Ах, господин Дарси, вы никогда меня не понимали!

Интонация ее голоса ясно говорила: «Я вас всегда любила, а вы не хотели обратить на меня внимание». Бедная женщина в эту минуту искреннейшим образом думала, что она неизменно любила Дарси в течение всех этих шести лет такой же любовью, какую она испытывала к нему в настоящий момент.

– А вы, – вскричал Дарси, оживляясь, – вы понимали меня? Угадывали ли вы когда-нибудь, каковы мои чувства? Ах, если бы вы знали меня лучше, мы, конечно, оба были бы теперь счастливы!

– Как я несчастна! – повторила Жюли, и слезы полились у нее с удвоенной силой.

– Но если бы даже вы меня поняли, – продолжал Дарси с привычным для него выражением грустной иронии, – что бы из этого вышло? У меня не было состояния, вы были богаты. Ваша мать с презрением отвергла бы меня. Я был заранее обречен на неудачу. Да вы сами, Жюли, вы сами, пока роковой опыт не указал вам, где находится истинное счастье, вы, конечно, только посмеялись бы над моей самонадеянностью, ибо в то время лучшим средством понравиться вам была бы блестящая карета с графской короной

на дверцах.

– Боже мой, и вы тоже! Никто, значит, не пожалеет меня!

– Простите меня, дорогая Жюли! Умоляю вас, простите меня! Забудьте эти упреки, я не имел права их делать. Я более виновен, чем вы... Я не сумел вас оценить. Я счел вас слабою, как слабы все женщины того общества, в котором вы жили, я усомнился в вашем мужестве, дорогая Жюли, и я так жестоко за это наказан!..

Он с жаром целовал ее руки, которых она уже не отнимала. Обхватив ее за талию, он хотел было прижать ее к своей груди, но Жюли оттолкнула его с выражением ужаса и отстранилась от него, насколько позволяла ширина кареты.

Тогда Дарси голосом, мягкость которого лишь подчеркивала горечь слов, произнес:

– Простите меня, сударыня, я забыл, что мы в Париже. Теперь я вспоминаю, что здесь умеют вступать в брак, но любить здесь не умеют.

– О, я люблю вас! – прошептала она, рыдая, и опустила голову на плечо Дарси.

Дарси восторженно заключил ее в свои объятия, стараясь поцелуями осушить ее слезы. Она еще раз попыталась освободиться, но попытка эта была ее последним усилием.

Глава 12

Дарси переоценил овладевшее им волнение. Нужно признаться: он не был влюблен. Он воспользовался счастливой случайностью, которая сама шла ему навстречу и заслуживала того, чтобы он ее не упустил. К тому же, как и все мужчины, он был более красноречив в просьбах, чем в выражениях благодарности. Тем не менее он был вежлив, а вежливость часто заменяет более почтенные чувства. Когда прошла минута опьянения, он принялся расточать Жюли нежные фразы, которые он составлял без особого труда, сопровождая их многочисленными поцелуями рук, что отчасти заменяло его слова. Он без сожаления видел, что карета добралась уже до заставы и что через несколько минут ему придется расстаться со своей добычей. Молчание г-жи де Шаверни во время уговоров, удрученное состояние, в котором она, по-видимому, находилась, делали затруднительным, даже, осмелюсь сказать, скучным положение человека, случайно ставшего ее любовником.

Она сидела неподвижно в углу кареты, машинально стягивая шаль на своей груди. Она не плакала, смотрела прямо перед собой, и когда Дарси, поцеловав ей руку, отпускал ее, рука падала, как мертвая, ей

на колени. Она молчала, еле слыша, что ей говорят, но тысяча мучительных мыслей толпилась у нее в голове, и едва она хотела высказать одну, как другая тотчас же смыкала ей губы.

Как передать хаос этих мыслей, или, лучше сказать, этих образов, сменявшихся с каждым биением ее сердца? Ей казалось, что в ушах ее звучат слова без связи и последовательности, но смысл всех этих слов был ужасен. Утром она винила мужа, он был низок в ее глазах; теперь она была во сто раз более презренной. Ей казалось, что позор ее известен всем. Теперь уже любовница герцога Г. оттолкнула бы ее. Г-жа Ламбер, никто из друзей не пожелают ее видеть. А Дарси? Любит ли он ее? Он ее почти совсем не знает. За время разлуки он позабыл ее. Не сразу ее узнал. Может быть, он нашел, что она очень изменилась. А теперь он был холоден с нею. Это окончательно ее убивало. Она увлеклась человеком, который почти совсем не знал ее, ничем не выразил своей любви!.. Был с ней только вежлив... Не может быть, чтобы он любил ее! А она сама – любила ли она его? Нет, ведь она вышла замуж, как только он уехал.

Когда карета въехала в Париж, на башне пробило час. В первый раз она увидела Дарси в четыре часа. Да, в первый раз... Она не могла сказать, что это была встреча после разлуки... Она забыла черты его лица,

его голос; для нее он был чужим человеком... А через девять часов она сделалась его любовницей!.. Девяти часов было достаточно для этого странного наваждения... для того, чтобы она опозорила себя в собственных глазах, в глазах самого Дарси. Ибо что мог он подумать о такой слабой женщине? Как не презирать ее?

Временами мягкий голос Дарси, нежные слова, обращенные к ней, немного ее оживляли. Тогда она старалась поверить, что он действительно испытывает ту любовь, о которой говорит. Она сдалась не так легко. Любовь их длится долгие годы, с тех пор, как Дарси ее покинул. Дарси должен был знать, что она вышла замуж только из чувства досады, причиненной его отъездом. Вина ложилась на Дарси. Меж тем он во время долгого отсутствия не переставал ее любить. И, возвратившись, он был счастлив, что нашел ее такою же верной, как он сам. Откровенность ее признания, сама ее слабость должны были понравиться Дарси – ведь он не выносит притворства. Но абсурдность подобных рассуждений сейчас же становилась ей ясной. Утешительные мысли улетучивались, и она оставалась во власти стыда и отчаяния.

Была минута, когда она хотела разобраться в своих чувствах. Она представила себе, что свет ее изгнал, что родные от нее отреклись. После такого же-

стокого оскорбления, нанесенного мужу, гордость не позволит ей вернуться к нему. «Дарси меня любит, – думала она. – Я не могу никого любить, кроме него. Без него для меня нет счастья. С ним я буду счастлива всюду. Мы уедем вместе куда-нибудь, где я не буду встречаться с людьми, которые заставили бы меня краснеть. Пусть он увезет меня с собой в Константинополь...»

Дарси не догадывался, что делается в сердце Жюли. Он заметил, что они въезжают в улицу, где жила г-жа де Шаверни, и стал весьма хладнокровно натягивать лайковые перчатки.

– Кстати, – сказал он, – мне следует официально быть представленным господину де Шаверни... Я думаю, что мы скоро подружимся. Если меня представит госпожа Ламбер, я буду на хорошем счету в вашем доме... А пока что, раз он находится за городом, я могу вас посещать.

Слова замерли на устах Жюли. Каждое слово Дарси было для нее как острый нож. Как заговорить о бегстве, о похищении с этим человеком, таким спокойным, таким холодным, который думает только о том, как бы удобнее устроить эту любовную связь на летнее время? Она с яростью разорвала золотую цепочку, висевшую у нее на груди, и комкала в руках обрывки. Экипаж остановился у подъезда дома, где она

жила. Дарси предупредительно окутал ее плечи шалью, поправил на ней шляпу... Когда дверца открылась, он почтительно подал ей руку. Но Жюли выскочила на тротуар, не приняв от него помощи.

– Я прошу у вас позволения, сударыня, – сказал он с глубоким поклоном, – навестить вас и справиться о вашем здоровье.

– Прощайте! – сказала Жюли сдавленным голосом.

Дарси сел в карету и велел везти себя домой, нахвистывая с видом человека, очень довольного проведенным днем.

Глава 13

Как только он очутился в своей холостой квартире, он надел турецкий халат, туфли и, набив латакийским табаком длинную трубку с янтарным мундштуком и чубуком из боснийского боярышника, принялся курить с наслаждением, развалясь в большом мягком кресле, обитом сафьяном. Людям, которые удивились бы, застав его за таким вульгарным занятием, тогда как ему следовало бы предаваться более поэтическим мечтам, можно ответить, что для мечтательности добрая трубка если не необходима, то во всяком случае полезна и что вернейшее средство с блаженством вкушать наслаждение состоит в совмещении его с другим наслаждением. Один из моих друзей, человек очень чувственный, никогда не распечатывал письма от своей любовницы раньше, чем не снимет галстука, не затопит камина (если дело происходило зимою) и не ляжет на удобный диван.

«Действительно, – подумал Дарси, – я был бы очень глуп, если бы последовал совету Тиррела и купил греческую невольницу, с тем чтобы везти ее в Париж. Черта с два! Это было бы то же, что возить винные ягоды в Дамаск, как говаривал друг мой Халеб-эфенди. Слава богу, цивилизация за мое отсут-

ствие далеко шагнула вперед, и, по-видимому, строгость нравов не доведена до крайности... Бедняга Шаверни!.. Ха-ха! А ведь если бы несколько лет тому назад я был достаточно богат, я бы женился на Жюли и, может быть, сегодня вечером отвозил бы ее домой именно Шаверни. Если я когда-нибудь женюсь, я буду часто осматривать экипаж своей жены, чтобы она не нуждалась в странствующих рыцарях, которые ее вытаскивали бы из канавы... Ну что ж, подведем итог. В конце концов она очень красивая женщина, неглупа, и, будь я помоложе, я, пожалуй, мог бы приписать все случившееся моим исключительным достоинствам! Да, мои исключительные достоинства! Увы, увы, через месяц, может быть, мои достоинства будут на уровне достоинств этого господина с усиками... Черт! Хотелось бы мне, чтобы малютка Настасья, которую я так любил, умела читать, писать и вести разговор с порядочными людьми... Кажется, это единственная женщина, которая меня любила... Бедное дитя!..»

Трубка его погасла, и он скоро заснул.

Глава 14

Войдя в свои комнаты, г-жа де Шаверни сделала над собою невероятное усилие, чтобы обычным тоном сказать горничной, что ей не нужно ничьих услуг и что она хочет остаться одна. Как только девушка вышла, она бросилась на постель (ибо для выражения горя удобная позиция столь же необходима, как и для выражения радости) и теперь в одиночестве разразилась слезами, еще более горькими, чем в присутствии Дарси, когда ей нужно было сдерживаться.

Без сомнения, ночь оказывает очень сильное влияние на наши душевные горести, как и на физические страдания. Она всему придает зловещую окраску, и образы, которые днем были бы безразличными или даже радостными, ночью нас беспокоят и мучат, как призраки, появляющиеся только во мраке. Кажется, что ночью мысль усиленно работает, но рассудок теряет свою власть. Какая-то внутренняя фантазмагория смущает нас и ужасает, и у нас нет сил ни отвлечь причину наших страхов, ни хладнокровно исследовать их основательность.

Представьте себе бедную Жюли простертой на постели, полуодетой: она мечется, то пожираемая жгучим жаром, то холодея от пронизывающей дрожи,

вздрагивает при каждом треске мебели и отчетливо слышит биение своего сердца. От всего происшедшего у нее сохранилась только смутная тоска, причины которой она тщетно доискивалась. Потом вдруг воспоминание об этом роковом вечере пронеслось у нее в голове с быстротою молнии, и вместе с ним пробуждалась острая, нестерпимая боль, словно ее затянувшейся раны коснулись каленым железом.

То она смотрела на лампу, с тупым вниманием наблюдая за каждым колебанием огонька, пока слезы, навертывавшиеся неизвестно почему на глаза, не застилали зрения.

«Почему я плачу? – думала она. – Ах да, я опозорена!»

То она считала кисти на пологие и все не могла запомнить, сколько их. «Что за бред! – думала она. – Бред! Да, потому что час тому назад я отдалась, как жалкая куртизанка, человеку, которого не знаю».

Потом бессмысленным взором она следила за стрелкою стенных часов, как осужденный, наблюдающий приближение часа своей казни. Вдруг часы пробили.

– Три часа тому назад, – сказала она, внезапно вздрогнув, – я была в его объятиях, и я опозорена!

Всю ночь она провела в таком лихорадочном беспокойстве. Когда рассвело, она открыла окно, и утрен-

ний воздух, свежий и колючий, принес ей некоторое облегчение. Опершись на подоконник окна, выходявшего в сад, она жадно, с каким-то вожделением вдыхала полной грудью холодный воздух. Беспорядок в мыслях мало-помалу рассеялся. На смену неопределенным мучениям, обуревавшему ее бреду пришло сосредоточенное отчаяние – это был уже некоторый отдых.

Нужно было принять какое-нибудь решение. Она стала придумывать, что ей делать. Она ни минуты не останавливалась на мысли снова увидеться с Дарси. Ей казалось это невозможным: она бы умерла от стыда, увидя его. Она должна покинуть Париж: здесь через два дня все будут на нее показывать пальцами. Мать ее находилась в Ницце. Она поедет к ней, во всем ей признается: потом, выплавав свое горе на ее груди, она поищет в Италии уединенное место, неизвестное путешественникам, будет там одиноко жить и скоро умрет.

Придя к такому решению, она почувствовала себя спокойнее. Она села за столик у окна, закрыла лицо руками и заплакала, но на этот раз уже не слезами отчаяния. Усталость и изнеможение дали себя знать, и она заснула, или, вернее, забылась почти на час. Она проснулась от лихорадочного озноба. Погода переменилась, небо посерело, и мелкий, пронизываю-

щий дождик предвещал сырую и холодную погоду на весь остаток дня. Жюли позвонила горничной.

– Матушка заболела, – сказала она, – я должна сейчас же ехать в Ниццу. Уложите чемоданы: я хочу выехать через час.

– Сударыня, что с вами? Вы не больны? Вы не ложились? – воскликнула горничная, удивленная и встревоженная изменившимся лицом своей госпожи.

– Я хочу ехать, – нетерпеливо сказала Жюли, – мне необходимо ехать. Уложите чемоданы.

При современной нашей цивилизации недостаточно просто акта воли для передвижения с одного места на другое. Нужно достать дорожный паспорт, упаковать вещи, уложить шляпы в картонки, проделать сотню скучных приготовлений, из-за которых потеряешь всякое желание путешествовать. Но нетерпение Жюли значительно сократило эти необходимые промедления. Она ходила взад и вперед, из комнаты в комнату, сама помогала укладывать чемоданы, засовывая как попало чепчики и платья, привыкшие к более осторожному обращению. Но ее хлопоты скорее замедляли, чем ускоряли работу слуг.

– Сударыня! Вы, конечно, предупредили господина де Шаверни? – робко спросила горничная.

Жюли, не отвечая, взяла лист бумаги и написала: «Матушка заболела. Я еду к ней в Ниццу». Она сло-

жила листок вчетверо, но не могла решиться написать адрес.

Во время этих приготовлений к отъезду слуга доложил:

– Господин де Шатофор спрашивает, можно ли вас видеть. Пришел еще другой господин. Я его не знаю. Вот его карточка.

Она прочла: «Э. Дарси, секретарь посольства».

Она едва не вскрикнула.

– Я никого не принимаю. Скажите, что я нездорова. Не говорите, что я уезжаю.

Она никак не могла себе объяснить, каким образом Дарси и Шатофор пришли к ней в одно время, и в замешательстве подумала, что Дарси уже выбрал Шатофора себе в наперсники. А между тем их одновременный визит объяснялся очень просто. Побудительная причина визита была одна и та же; они встретились, обменявшись ледяным поклоном и мысленно от всего сердца послав друг друга ко всем чертям.

Выслушав ответ лакея, они вместе сошли с лестницы, раскланялись еще холоднее и разошлись в разные стороны.

Шатофор заметил особое внимание, выказанное г-жой де Шаверни по отношению к Дарси, и с той минуты возненавидел его. В свою очередь, Дарси, мнивший себя физиономистом, видя смущение и досаду

Шатофора, заключил, что тот влюблен в Жюли. А так как в качестве дипломата он склонен был заранее предполагать худшее, то весьма легко пришел к выводу, что Жюли не проявляет жестокости к Шатофору.

«Эта удивительная кокетка, – подумал он, выходя из ее дома, – не пожелала принять нас вместе во избежание объяснений, как в *Мизантропе*... Но глупо, что я не нашел какого-нибудь предлога остаться и подождать, пока уйдет этот усатый фат. Очевидно, меня бы приняли, как только за ним закрылась бы дверь – ведь у меня перед ним есть неоспоримое преимущество новизны».

Размышляя таким образом, он остановился, а потом пошел обратно к особняку г-жи де Шаверни. Шатофор, который тоже несколько раз оборачивался, следя за тем, что делает его соперник, тоже вернулся и занял на некотором расстоянии наблюдательный пункт.

Дарси сказал лакею, удивленному его вторичным появлением, что забыл оставить записку для его господи, что вопрос идет о спешном деле и о поручении от одной дамы к г-же де Шаверни. Вспомнив, что Жюли знает по-английски, он написал карандашом на своей карточке: *Begs leave to ask when he can show to madame de Chaverny his turkish album*³. Затем он пе-

---

³ Почтительнейше спрашивает мадам де Шаверни, когда можно будет

редал карточку слуге и сказал, что подождет ответа.

Ответ этот долго заставил себя ждать. Наконец слуга вернулся в большом смущении.

– Госпоже де Шаверни внезапно сделалось дурно, – сказал он, – она чувствует себя так плохо, что ответа сейчас дать не может.

Все это продолжалось с четверть часа. Обмороку Дарси не поверил: было ясно, что принимать его не хотят. Он отнесся к этому философски. Вспомнив, что поблизости у него есть знакомые, которым следует нанести визит, он решил этим заняться и вышел, мало огорченный постигшею его неудачей.

Шатофор дожидался его с бешеным нетерпением. Когда Дарси прошел мимо, он решил, что это его счастливый соперник, и дал себе слово ухватиться за первый же случай и отомстить изменнице и ее сообщнику. Очень кстати он встретил майора Перена; тот выслушал его излияния и утешил как мог, доказав, что его предположения мало правдоподобны.

Глава 15

Жюли действительно лишилась чувств, получив вторично карточку Дарси. Обморок у нее сопровождался кровохарканьем, отчего она очень ослабела. Горничная послала за доктором, но Жюли наотрез отказалась принять его. К четверем часам почтовые лошади были поданы, чемоданы привязаны: все было готово к отъезду. Жюли села в карету; она ужасно кашляла, жалко было смотреть на нее. Весь вечер и всю ночь она говорила только с лакеем, сидевшим на козлах, и то только чтобы он поторопил кучеров. Она все время кашляла и, по-видимому, чувствовала сильную боль в груди, но не издала ни одного стога. Она была так слаба, что лишилась чувств, когда утром открыли дверцу кареты. Ее перенесли в плохонькую гостиницу и уложили в постель. Позвали сельского врача; тот нашел у нее сильнейшую горячку и запретил продолжать путешествие. Меж тем она хотела ехать дальше. К вечеру начался бред и появились все признаки ухудшения болезни. Она беспрерывно говорила, причем так быстро, что было очень трудно ее понять. В ее бессвязных фразах поминутно встречались имена Дарси, Шатофора и г-жи Ламбер. Горничная написала г-ну де Шаверни, чтобы оповестить его о болезни

жены. Но Жюли находилась в сорока милях от Парижа, Шаверни охотился у герцога Г., а болезнь развивалась быстро, и было сомнительно, чтобы он поспел вовремя.

Между тем лакей верхом поскакал в ближайший город и привез доктора. Тот отменил предписания своего собрата и заявил, что его позвали слишком поздно и что недуг тяжелый.

Под утро бред прекратился, и Жюли заснула глубоким сном. Когда дня через два-три она пришла в себя, то, казалось, с трудом вспомнила, вследствие какого ряда событий она очутилась в грязном номере гостиницы. Однако память скоро к ней вернулась: она сказала, что чувствует себя лучше, и даже начала поговаривать о том, чтобы завтра тронуться в путь. Потом, положив руку на лоб, после продолжительного раздумья потребовала чернил и бумагу и захотела писать. Горничная видела, как она начинала несколько раз письмо, но все рвала начатые листки после первых же слов. При этом она приказывала жечь оставшиеся клочки бумаги. Горничная на нескольких обрывках успела прочесть слова: «Милостивый государь». Ей это, как она потом призналась, показалось странным, так как она думала, что ее госпожа пишет матери или мужу. На одном клочке она прочла: «Вы должны презирать меня...»

Почти в течение получаса Жюли тщетно пыталась написать это письмо, которое, по-видимому, ее очень беспокоило. Наконец силы ее истощились, и она не могла продолжать; она оттолкнула пюпитр, который поставили ей на постель, и, глядя на горничную блуждающим взглядом, сказала:

– Напишите сами господину Дарси.

– Что прикажете написать? – спросила горничная, уверенная, что снова начнется бред.

– Напишите, что он меня не знает... что я его не знаю...

И она в изнеможении упала на подушки. Это были ее последние связные слова. Снова начался бред и потом уже не прекращался. Она скончалась на следующий день без видимых страданий.

Глава 16

Шаверни приехал на четвертый день после ее похорон. Печаль его казалась неподдельной, и все жители села прослезились, видя, как он стоял на кладбище и созерцал свежевзрыхленную землю, покрывавшую гроб его жены. Он хотел было выкопать его и перевезти в Париж, но так как мэр этому воспротивился, а нотариус заговорил о разных формальностях, связанных с этим, то он ограничился тем, что заказал надгробную плиту из песчаника и отдал распоряжение соорудить простой, но благопристойный памятник.

Шатофор был очень взволнован этой внезапной смертью. Он отказался от многих приглашений на балы и в течение некоторого времени всюду показывался не иначе как в черном.

Глава 17

В обществе ходило много рассказов о смерти г-жи де Шаверни. По словам одних, она видела во сне, или у нее было предчувствие, что ее мать больна. Она была так поражена этим, что сейчас же поспешила в Ниццу, между тем она сильно простудилась на обратном пути от г-жи Ламбер, а затем простуда перешла в воспаление легких.

Другие, более проникательные, утверждали с таинственным видом, что г-жа де Шаверни, не будучи в состоянии бороться со своей любовью к г-ну де Ша-тофору, решила искать у матери сил противостоять этому чувству. Вследствие быстрого отъезда она простудилась, и у нее сделалось воспаление легких. На этом сходились все.

Дарси никогда о ней не говорил. Через три или четыре месяца после ее смерти он выгодно женился. Когда он сообщил о своей женитьбе г-же Ламбер, та сказала, поздравляя его:

– Действительно, супруга ваша очаровательна. Только моя бедная Жюли могла бы до такой степени подходить вам. Как жаль, что вы были слишком бедны, когда она выходила замуж!

Дарси улыбнулся своей иронической улыбкой, но

ничего не сказал в ответ.

Эти две души, не понявшие одна другую, были, может быть, созданы друг для друга.